

АВТОР, КНИГИ КОТОРОГО ПРОНИКАЮТ В САМОЕ СЕРДЦЕ!

ТАТЬЯНА КОГАН

ЧУЖИЕ
ИГРЫ

Человек без сердца

Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган

Татьяна Коган

Человек без сердца

«ЭКСМО»

2015

Коган Т. В.

Человек без сердца / Т. В. Коган — «Эксмо», 2015 — (Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган)

Мысль о том, что он обыкновенный мерзавец, больно ранила психотерапевта Ивана Кравцова. Чертова слепота! Провоцирует искренность. В темноте притворство теряет смысл. Только сейчас он начал осознавать, насколько жестокой и циничной стала игра, которую компания его друзей начала еще в школе: по очереди исполнять желания друг друга — от относительно невинных до по-настоящему преступных. И к чему это привело? Макс разорен, Лиза пропала без вести, Глеб лишился семьи и никак не придет в себя после искусственной амнезии... Как же теперь жить дальше и удастся ли ему когда-нибудь искупить то, что он совершил?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Коган

Человек без сердца

© Коган Т. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Психотерапевт Иван Кравцов сидел у окна в мягком плюшевом кресле. Из открытой форточки доносился уличный гул; дерзкий весенний ветер трепал занавеску и нагло гулял по комнате, выдувая уютное тепло. Джек (так его величали друзья в честь персонажа книги про доктора Джекила и мистера Хайда) чувствовал легкий озноб, но не предпринимал попыток закрыть окно. Ведь тогда он снова окажется в тишине – изматывающей, ужасающей тишине, от которой так отчаянно бежал.

Джек не видел окружающий мир уже месяц. Целая вечность без цвета, без света, без смысла. Две операции, обследования, бессонные ночи и попытки удержать ускользающую надежду – и все это для того, чтобы услышать окончательный приговор: «На данный момент вернуть зрение не представляется возможным». Сегодня в клинике ему озвучили неутешительные результаты лечения и предоставили адреса реабилитационных центров для инвалидов по зрению. Он вежливо поблагодарил врачей, приехал домой на такси, поднялся в квартиру и, пройдя в гостиную, сел у окна.

Странное оцепенение охватило его. Он перестал ориентироваться во времени, не замечая, как минуты превращались в часы, как день сменился вечером, а вечер – ночью. Стих суетливый шум за окном. В комнате стало совсем холодно.

Джек думал о том, что с детства он стремился к независимости. Ванечка Кравцов был единственным ребенком в семье, однако излишней опеки не терпел абсолютно. Едва научившись говорить, дал понять родителям, что предпочитает полагаться на свой вкус и принимать собственные решения. Родители Вани были мудры, к тому же единственный сын проявлял удивительное для своего возраста здравомыслие. Ни отец, ни мать не противились ранней самостоятельности ребенка. А тот, в свою очередь, ценил оказанное ему доверие и не злоупотреблял им. Даже в выпускном классе, когда родители всерьез озаботились выбором его будущей профессии, он не чувствовал никакого давления с их стороны. Родственники по маминой линии являлись врачами, а дедушка был известнейшим в стране нейрохирургом. И хотя отец отношения к медицине не имел, он явно был не против, чтобы сын развивался в этом направлении.

Ожесточенных споров в семье не велось. Варианты дальнейшего обучения обсуждались после ужина, тихо и спокойно, с аргументами «за» и «против». Ваня внимательно слушал, озвучивал свои желания и опасения и получал развернутые ответы. В итоге он принял взвешенное решение и, окончив школу, поступил в мединститут на факультет психологии.

Ему всегда нравилось изучать людей и мотивы их поступков, он умел докопаться до истинных причин их поведения. Выбранная специальность предоставляла Джеку широкие возможности для совершенствования таких навыков. За время учебы он не пропустил ни одной лекции, штудировав дополнительные материалы и посещая научные семинары. К последнему курсу некоторые предметы студент Кравцов знал лучше иных преподавателей.

Умение видеть то, чего не видит большинство людей, позволяло ему ощущать себя если не избранным, то хотя бы не частью толпы. Даже в компании близких друзей Джек всегда оставался своеобразной темной лошадкой, чьи помыслы крайне сложно угадать. Он никогда не откровенничал, рассказывал о себе ровно столько, сколько нужно для поддержания в товарищах чувства доверия и сопричастности. Они замечали его уловки, однако не делали из этого проблем. Джеку вообще повезло с приятелями. Они принимали друг друга со всеми особенностями и недостатками, не пытались никого переделывать под себя. Им было весело и интересно вместе. Компания образовалась в средних классах школы и не распадалась долгие годы. Все было хорошо до недавнего времени...

Когда случился тот самый поворотный момент, запустивший механизм распада? Не тогда ли, когда Глеб, терзаемый сомнениями, все-таки начал пятый круг? Захватывающий, прекрасный, злополучный пятый круг...

Еще в школе они придумали игру, которая стала их общей тайной. Суть игры заключалась в том, что каждый из четверых по очереди озвучивал свое желание. Товарищи должны помочь осуществить его любой ценой, какова бы она ни была. Первый круг состоял из простых желаний. Со временем они становились все циничней и изощренней. После четвертого круга Глеб решил выйти из игры. В компании он был самым впечатлительным. Джеку нравились эксперименты и адреналин, Макс не любил ничего усложнять, а Елизавета легко контролировала свои эмоции. Джек переживал за Глеба и подозревал, что его склонность к рефлексии еще сыграет злую шутку. Так и произошло.

Последние пару лет Джек грезил идеей внушить человеку искусственную амнезию. Его всегда манили эксперименты над разумом, но в силу объективных причин разгуляться не получалось. Те немногие пациенты, которые соглашались на гипноз, преследовали цели незамысловатые и предельно конкретные, например, перестать бояться сексуальных неудач. С такими задачами психотерапевт Кравцов справлялся легко и без энтузиазма. Ему хотелось большего.

Чуть меньше года назад идея о собственном эксперименте переросла в намерение. Обстоятельства сложились самым благоприятным образом: Глеб, Макс и Елизавета уже реализовали свои желания. Джек имел право завершить пятый круг. И он не замедлил своим правом воспользоваться.

Они нашли подходящую жертву. Подготовили квартиру, куда предполагалось поселить лишенного памяти подопытного, чтобы Джеку было удобно за ним наблюдать. Все было предусмотрено и перепроверено сотню раз и прошло бы без сучка и задоринки, если бы не внезапное вмешательство Глеба.

Он тогда переживал не лучший период в жизни – родной брат погиб, жена сбежала, отношения с друзьями накалились. Но даже проницательный Джек не мог предположить, насколько сильна депрессия Глеба. Так сильна, что в его голове родилась абсолютно дикая мысль – добровольно отказаться от своего прошлого. Глеб не желал помнить ни единого события прежней жизни. Он хотел умереть – немедленно и безвозвратно. Джек понимал, что если ответит Глебу отказом, тот наложит на себя руки. И Кравцов согласился.

К чему лукавить – это был волнующий опыт. Пожалуй, столь сильных эмоций психотерапевт Кравцов не испытывал ни разу. Одно дело ставить эксперимент над незнакомцем и совсем другое – перекраивать близкого человека, создавая новую личность. Жаль, что эта новая личность недолго находилась под его наблюдением, предпочтя свободу и сбежав от своего создателя. Джек утешился быстро, понимая: рано или поздно память к Глебу вернется, и он появится на горизонте. А чтобы ожидание блудного друга не было унылым, эксперимент по внушению амнезии можно повторить с кем-то другим¹.

Джек поежился от холода и усмехнулся: теперь ему сложно даже приготовить себе завтрак, а уж об играх с чужим сознанием речь вообще не идет. Вот так живешь, наслаждаясь каждым моментом настоящего, строишь планы, возбуждаешься от собственной дерзости и вдруг в один миг теряешь все, что принадлежало тебе по праву. Нелепое ранение глазного яблока – такая мелочь для современной медицины. Джек переживал, но ни на секунду не допускал мысли, что навсегда останется слепым. Заставлял себя рассуждать здраво и не впадать в отчаяние. Это было трудно, но у него просто не оставалось другого выхода. В критических ситуациях самое опасное – поддаться эмоциям. Только дай слабину – и защитные барьеры, спасающие от безумия, рухнут ко всем чертям. Джек не мог так рисковать.

¹ Читайте об этом в романах Татьяны Коган «Только для посвященных» и «Мир, где все наоборот», издательство «Эксмо».

В сотый раз мысленно прокручивал утренний разговор с врачом и никак не мог поверить в то, что ничего нельзя изменить, что по-прежнему никогда не будет и отныне ему предстоит жить в темноте. Помилуйте, да какая же это жизнь? Даже если он научится ориентироваться в пространстве и самостоятельно обеспечивать себя необходимым, есть ли смысл в таком существовании?

К горлу подступила тошнота, и Джеку понадобились усилия, чтобы справиться с приступом. Психосоматика, чтоб ее... Мозг не в состоянии переварить ситуацию, и организм реагирует соответствующе. Вот так проблюешься на пол и даже убраться не сможешь. Макс предлагал остаться у него, но Джек настоял на возвращении домой. Устал жить в гостях и чувствовать на себе сочувствующие взгляды друга, его жены, даже их нелепой собаки, которая ни разу не гавкнула на незнакомца. Вероятно, не посчитала слепого угрозой.

Вопреки протестам Макса, несколько дней назад Джек перебрался в свою квартиру. В бытовом плане стало труднее, зато отпала необходимость притворяться. В присутствии Макса Джек изображал оптимистичную стойкость, расходуя на это много душевных сил. Не то чтобы Кравцов стеснялся проявлений слабости, нет. Просто пока он не встретил человека, которому бы захотел довериться. Тот же Макс – верный друг, но понять определенные вещи не в состоянии. Объяснять ему природу своих страхов и сомнений занятие энергозатратное и пустое. Они мыслят разными категориями.

В компании ближе всех по духу ему была Елизавета, покуда не поддалась неизбежной женской слабости. Это ж надо – столько лет спокойно дружить и ни с того ни с сего влюбиться. Стремление к сильным впечатлениям Джек не осуждал. Захотелось страсти – пожалуйста, выбери кого-то на стороне да развлекись. Но зачем поганить устоявшиеся отношения? Еще недавно незрелый поступок подруги, как и некоторые другие события, всерьез огорчали Ивана. Сейчас же воспоминания почти не вызывали эмоций, проносясь подвижным фоном мимо одной стабильной мысли.

Зрение никогда не восстановится.

Зрение. Никогда. Не восстановится.

Джек ощущал себя лежащим на операционном столе пациентом, которому вскрыли грудную клетку. По какой-то причине он остается в сознании и внимательно следит за происходящим. Боли нет. Лишь леденящий ужас от представшей глазам картины. Собственное сердце – обнаженное, красное, скользкое – пульсирует в нескольких сантиметрах от лица. И столь омерзительно прекрасно это зрелище, и столь тошнотворно чарующ запах крови, что хочется или закрыть рану руками, или вырвать чертово сердце... Только бы не чувствовать. Не мыслить. Не осознавать весь этот кошмар.

Джек вздрогнул, когда раздался звонок мобильного. Все еще пребывая во власти галлюцинации, он автоматически нащупал в кармане трубку и поднес к уху:

– Слушаю.

– Здорово, старик, это я. – Голос Макса звучал нарочито бодро. – Как ты там? Какие новости? Врачи сказали что-нибудь толковое?

– Не сказали.

– Почему? Ты сегодня ездил в клинику? Ты в порядке?

Джек сделал глубокий вдох, унимая внезапное раздражение. Говорить не хотелось. Однако, если не успокоить приятеля, тот мгновенно явится со спасательной миссией.

– Да, я в порядке. В больницу ездил, с врачом говорил. Пока ничего определенного. Результаты последней операции еще не ясны.

В трубке послышалось недовольное сопение:

– Может, мне с врачом поговорить? Что он там воду мутит? И так уже до хрена времени прошло.

– Макс, я ценю твои порывы, но сейчас они ни к чему, – как можно мягче ответил Джек. – Все идет своим чередом. Не суетись. Договорились? У меня все нормально.

– Давай я приеду, привезу продуктов. Надьку заодно прихвачу, чтобы она нормальный обед приготовила, – не унимался друг.

Джек сжал-разжал кулак, призывая самообладание.

– Спасибо. Тех продуктов, что ты привез позавчера, хватит на несколько недель. Пожалуйста, не беспокойся. Если мне что-то понадобится, я тебе позвоню.

Максим хмыкнул:

– И почему у меня такое чувство, что если я сейчас не отстану, то буду послан? Ладно, старик, больше не надоедаю. Вы, психопаты, странные ребята. Наберу тебе на неделе.

– Спасибо. – Джек с облегчением положил трубку. Несколько минут сидел неподвижно, вслушиваясь в монотонный гул автомобилей, затем решительно встал и, нащупав ручку, закрыл окно.

Если он немедленно не прекратит размышлять, то повредит рассудок. Нужно заставить себя заснуть. Завтра будет новый день. И, возможно, новые решения. Перед тем как он впал в тревожное забытие, где-то на задворках сознания промелькнула чудовищная догадка: жизнь закончена. Иван Кравцов родился, вырос и умер в возрасте тридцати трех лет.

Глава 2

Максим Гладко швырнул телефон на диван и повертел головой, разминая шею. Разговор с приятелем ему не понравился. Макс не отличался особой проницательностью, однако долгие годы дружбы научили его интуитивно чувствовать настроение товарищей. И то, что он сейчас почувствовал, нельзя назвать позитивным. Конечно, глупо требовать от человека, утратившего зрение, оптимизма. Однако Джек всегда умел мыслить рационально, абстрагируясь от эмоций. Судя по его тону, на этот раз ему плохо удавалось не поддаваться унынию.

Макс голову сломал в попытках приободрить друга. Честно говоря, это Джеки традиционно выступал в роли мудрого наставника, умея несколькими фразами восстановить душевное равновесие товарища и помогая беспристрастно взглянуть на ситуацию. У Макса подобных навыков не имелось, и тем большую растерянность он сейчас испытывал.

Когда Джек заявил, что собирается жить отдельно, Макс опешил. Он даже приблизительно не представлял, как может самостоятельно существовать незрячий человек. Ладно, если ты родился слепым или у тебя было несколько лет для адаптации. Но вот так – внезапно стать беспомощным и, однако ж, требовать независимости – это за гранью здравого смысла. От предложения нанять помощницу Джек отказался. Макс не понимал причин его упрямства. Может, он стесняется своей временной инвалидности? Не хочет быть ни для кого обузой? Но ведь это же полный бред! Каждый когда-нибудь нуждается в поддержке.

Была бы Лизка рядом – обязательно что-нибудь придумала бы. Впрочем, Лиза – тема отдельная. Несколько дней Макс обрывал ее телефон – тщетно. Ездил к ней домой, но дверь тоже никто не открыл. Пытался расспрашивать соседей, но те смотрели настороженно и на контакт не шли. Уже неделю Макс ежедневно навещался к дому подруги, надеясь ее встретить. Хотелось верить, что она сорвалась куда-нибудь на отдых, как уже бывало неоднократно. В таком случае, почему не отвечает на звонки и sms? Сперва Макс предположил, что Лизка не хочет с ним общаться. Мало ли, какая дурь у бабы в голове. Придумала себе повод и обиделась. Набрал с телефона Джека – уж ему-то она наверняка бы ответила. Результат тот же. Все это действительно начинало беспокоить. Особенно с учетом недавних событий.

Что, если мистер-не-знаю-кто, ворвавшийся в офис к Максиму и угрожавший Джеку, добрался и до Лизы? Кем бы ни являлся этот таинственный тип, настроен он крайне враждебно. Его телохранители едва не сломали Максиму ногу, но это оказалось цветочками по сравнению с разорением фирмы. Хренов извращенец подошел к делу с маниакальной дотошностью. Мало того, что несколько месяцев подготавливал банкротство его компании, так еще и прости-тутку подослал, с которой Макс здорово порезвился. Получив красноречивое видео, Надька фыркнула и ушла, угрожая подать на развод. К счастью, баба она неглупая, перебесилась и вернулась. Но скольких нервов это ему стоило!

Неужели новоявленный мститель добрался и до Лизки? Убить он вряд ли ее убьет, но гнусно поиздеваться может – в изобретательности ему не откажешь. И может быть, в эту минуту, когда он, Макс, расхаживает по комнате в тепле и комфорте, подруга переживает не самые приятные моменты в своей жизни... А он ничего не может сделать, потому что не имеет ни малейшего понятия, где ее искать и кто ее похититель.

Гипотеза о том, что Лизку похитили, переросла в твердую уверенность. И хотя логика подсказывала, что он, вероятно, поторопился с выводами, другие версии отметались на корню. Так разволновался, что не заметил, как стал разговаривать сам с собой, меряя гостиную раз-машистым шагом.

– Ты чего? – В проеме двери показалась заспанная жена. – Что-то случилось?

Макс мысленно чертыхнулся. Еще не хватало Надьку втягивать!

– Все путем, принцесса. Иди спи.

– А ты?

– А мне надо смотаться кое-куда. Я скоро вернусь.

Надя подозрительно посмотрела на мужа:

– Первый час ночи. Какие дела в это время?

Макс приблизился к жене и ласково приподнял ее подбородок.

– Не бойся, больше никаких любовниц.

– Свежо предание, – беззлобно буркнула Надя. Мужа она любила и предпочитала доверять ему. Так было проще и приятнее. – Ты надолго?

– Туда и обратно. Ты же знаешь, фирма разорилась, надо думать, как зарабатывать бабки. Хочу обсудить кое с кем один проект. А ты марш в кровать. – Он развернул жену и подтолкнул к спальне, нежно хлопнув по мягкому месту.

Макс не думал, почему именно сейчас ему снова понадобилось оказаться у Лизкиного дома. Он спустился вниз, сел в машину и завел двигатель. Для начала мая было очень тепло; Гладко опустил водительское стекло и положил локоть на кромку двери, с наслаждением чувствуя, как холодит кожу свежий ночной воздух. Бывало, он отвозил Лизку домой после очередной попойки с друзьями. Раньше они часто встречались. Вчетвером заваливались в ресторан, подолгу и оживленно болтали. Глеб тогда не строил из себя праведника, Джеки не изображал отшельника, а подруга не отказывалась порой покувыркаться с Максом в постели. Все было так просто, так легко. А теперь? Глеб лишился памяти, Джек ослеп, Лизка пропала без вести, а Макс остался у разбитого корыта. Не жизнь, а мечта мазохиста.

Свободного места для парковки во внутреннем дворе не наблюдалось, Макс оставил автомобиль чуть дальше на улице и медленно обошел вокруг дома. Было удивительно тихо и безлюдно, будто по какой-то таинственной причине все обитатели высотки разом погибли. Ни движения, ни звука. Тишина и мертвецкий покой. Лишь редкие горящие окна говорили о том, что еще недавно здесь бурлила жизнь. Макс повел плечами, прогоняя неуместную фантазию. Присел на сырую лавочку, достал сигареты и принялся вертеть пачку в руках. Он бросил курить и снова начинать не планировал. Продолжал по привычке носить сигареты с собой. Парадокс, но это успокаивало.

С Лизкой они не виделись с зимы. Они с Джеком сидели у него дома, обсуждали предстоящую встречу с Глебом. Подруга явилась без предупреждения и, похоже, не очень обрадовалась присутствию Макса. Весь вечер яростно сверлила Джекила взглядом, явно чего-то желая. Тогда Макс едва сдержался, чтобы не придушить ее прямо на месте. Эта сука всегда трепала ему нервы, но на сей раз перешла все границы, бесстыдно демонстрируя влечение к давнему другу. Она никогда не удовлетворялась тем, что имела. Желала большего, и нередко за счет других. Ненасытная тварь. Ей одной удавалось будить в Максиме весь спектр эмоций – от лютой ненависти до страстного помешательства.

Из ближайшей арки показался мужской силуэт, замаялся в нерешительности и двинулся в сторону одинокой фигуры.

– Простите, сигареты не найдется?

Макс окинул парня беглым взглядом и молча протянул открытую пачку. Тот достал зажигалку, прикурил и затянулся, жмурясь от удовольствия.

– Не возражаете, если я присяду?

Макс отодвинулся, освобождая ему место. Парень благодарно кивнул и уселся, откинувшись на спинку скамейки. Ему было не больше двадцати пяти, однако правильные черты лица делали его еще моложе.

– Хорошая ночь, не правда ли?

Макс с недоумением уставился на него. Вот уж с мужиками красоты ночи он точно обсуждать не намерен.

– Ничего хорошего.

Парень улыбнулся:

– Почему вы так считаете?

– Ты хочешь поговорить, что ли? – не очень дружелюбно ответил вопросом Макс.

– А вы нет? Вы просто так зашли в чужой двор и уселись в одиночестве на скамейку? –

Парень затаился и хитро прищурился.

– Может быть, я здесь живу и вышел подышать воздухом, – вяло отозвался Максим. Злость, вызванная воспоминаниями о подлости Лизки, испарилась, оставив после себя тоскливую усталость.

– Нет. Вы здесь не живете. Я тут почти всех знаю.

– Елизавету Гончарову тоже знаешь?

– Знаю. Худая брюнетка из 120-й квартиры.

Макс заинтересованно хмыкнул. Чем черт не шутит, вдруг пацан скажет что-нибудь дельное?

– Ты в курсе, где она?

– Никто не в курсе. Она ж вроде как пропала месяц назад. Пока не нашли.

Макс почувствовал, как похолодели ладони, а скулы свело. Во рту появился горьковатый привкус. Месяц назад? Уже целый месяц никто не знает, где находится Лиза?

– Расскажи мне все, что тебе известно об этом, – попросил Макс. Его лицо выражало крайнюю степень серьезности. Парень перестал улыбаться:

– Знаю немного. Гончарова несколько дней не появлялась дома, и няня, присматривавшая за ее дочкой, подала заявление. Вам тоже лучше в полицию обратиться, у них больше информации будет.

– А что с малой?

– Без понятия. Наверное, родственники забрали.

– Нет у нее родственников. – Макс вытащил сигарету, сунул в рот и тут же выплюнул. Все получалось еще хуже, чем он предполагал. Неужели мстительный ублюдок осмелился зайти столь далеко? Чем же ему так насолила Лиза, чтобы удерживать ее столько времени? А вдруг он ее попросту прикончил?

– Значит, в интернат отдали. Или детдом.

– Что? – не понял Макс, успевший позабыть о собеседнике.

– Ребенка Гончаровой отдали в интернат, говорю. – Парень выдержал паузу. – Вы ее близко знали?

– Ближе, чем ты думаешь. – Макс поднялся, прикидывая в уме, какие действия следует предпринять завтра утром. Первым делом надо смотаться в участок. Затем выяснить, куда дели Лизкину девчонку. Негоже оставлять ее без присмотра. Потом поговорить с Джеком.

– Сочувствую. – Парень вздохнул, глядя вслед удалявшемуся мужчине. На долю секунды заколебался – может, остановить его? Рассказать то, что не рассказал следователю? За пару дней до исчезновения Гончаровой с ним приключился небольшой казус. Костя шел через двор, возвращаясь домой, и обратил внимание на припаркованную у подъезда машину. Было уже темно, и он не разглядел лица сидевшего за рулем мужчины. Однако то, чем этот мужик занимался, сомнений не вызывало. Собственно, ничего необычного в этом не было. Мало ли эксгибиционистов, любящих мастурбировать в общественном месте. Но марку и номер машины Костя запомнил – не специально, само в память врезалось.

Когда Костю опрашивали в качестве свидетеля, этот случай вылетел из головы. А сегодня во время беседы с угрюмым незнакомцем вдруг вспомнился. Видно было, что известие об исчезновении Гончаровой сильно расстроило мужчину. Любопытно, кем он ей приходится? Любовником? Ведь ее мужа убили полтора года назад, а женщина она молодая, здоровая. Тогда почему он так долго не появлялся? Поссорились, что ли?

Костя улыбнулся своей привычке вечно совать нос в чужие дела. Он бы с радостью помог мужику, если бы обладал хоть какой-то полезной информацией. А относить к таковой несчастного онаниста, застигнутого врасплох, вряд ли уместно. Парень подождал, когда незнакомец скроется за углом дома, и направился к подъезду, думая о том, что поступил правильно. Мужик бы наверняка поднял его на смех...

Глава 3

В тот момент, когда Максим Гладко удалялся от единственного человека, способного вывести на похитителя Лизы, тот самый похититель сидел на подвальных ступеньках и задумчиво смотрел на пленницу. Она лежала на узком диване, безучастно глядя в потолок, и, казалось, не замечала его присутствия.

Прошло чуть больше месяца с того момента, когда Тубис привел в дом новую невесту. Первые недели были прекрасны – жертва не давала ему скучать, обнаруживая удивительные черты характера. При всей своей темпераментности ей удавалось обузывать рвущуюся наружу ненависть. Она старалась наладить контакт, разговаривала вежливо и отстраненно, словно вела деловые переговоры. Сначала ее поведение вызывало у Тубиса восторженное уважение, но постепенно приелось. Его увлекали надрыв и борьба, балансирование на грани сумасшествия. Все чаще обладание жертвой напоминало секс с секретаршей, которая равнодушно отдается боссу, чтобы сохранить работу. Он пытался растормошить Лизу, был груб и даже жесток, она дрожала от боли и отвращения, но не прекращала попыток диалога. Ее чудовищное самообладание выводило Тубиса из себя. Хотелось содрать с нее весь ее рационализм и увидеть живую, трепещущую, страдающую душу.

– Лиза, – позвал Сан Саныч.

Она повернула голову, вперив в него ничего не выражающий взгляд.

– У меня есть для тебя подарок. – Тубис поднялся и медленно подошел к дивану. Достал что-то из кармана брюк и протянул на открытой ладони. Это был небольшой блестящий кулон на тонкой цепочке. Черная жемчужина, наполовину застрявшая в серебряном кубе, на гранях которого играли абстрактные узоры. Дизайн украшения Сан Саныч разработал сам много лет назад, когда впервые влюбился.

Был канун Нового года, и он надеялся, что возлюбленная обрадуется праздничному сюрпризу. Но Тамара не обрадовалась – ни подарку, ни наряженной елке, ни сервированному столу. Тубис не показал вида, как ранило его ее пренебрежение. Он искренне старался, отыскал лучшую в городе ювелирную мастерскую, заплатил приличную сумму, чтобы создать оригинальное украшение, достойное Тамары. Но та не оценила. Невежественная, неблагодарная дура. После ее смерти Сан Саныч положил кулон в маленькую бархатную коробочку и больше никогда не открывал ее. У него было много невест, но ни с одной не хотелось поделиться столь важной частью своего прошлого.

Лиза долго смотрела на кулон – вытянутая рука Тубиса начала подрагивать от напряжения. Он даже подумал, уж не спит ли его жертва с открытыми глазами. Ей определенно удавалось его нервировать.

– Красиво, – наконец сказала Лиза, взяв кулон двумя пальцами. – Поможешь надеть?

Тубис видел, что она лжет. Ей было совершенно все равно. Он застегнул цепочку на тонкой шее, залюбовавшись контрастом черного перламутра и бледной кожи.

– С покойницы снял?

– Что?

– Этот кулон. – Ее сухие губы тронула усмешка. – Он переходит из рук в руки, как эстафетная палочка? А когда ты убиваешь очередную жертву, снимаешь его, чтобы отдать следующей?

Тубис еле сдержался, чтобы не ударить пленницу по лицу. Это была странная партия. У него удачная позиция, перевес в развитии и численное превосходство, однако он медленно, но неуклонно проигрывает. Следует предпринять форсированный маневр, чтобы изменить ход игры.

– Хочешь погулять?

Лиза недоверчиво сузила глаза:

– Погулять где?

– На свежем воздухе, – бесхитростно ответил он. – Сегодня теплая ночь.

– Ты меня ни разу не выпускал на улицу. С чего вдруг такая милость? – Голос пленницы звучал почти равнодушно, однако расширившиеся зрачки выдавали волнение.

«Уже прикидывает варианты побега», – с восторгом подумал Тубис, а вслух произнес:

– Мне хочется сделать тебе что-нибудь приятное. Принесу твои вещи.

Перед тем как вывести Лизу во двор, он сковал ей руки за спиной, завязал глаза и заклеил рот скотчем. Поселок уже спал, ни в одном из окон близлежащих домов не горел свет. Анька вылезла из конуры и отрывисто гавкнула.

– Тише ты, – урезонил ее хозяин. – Жди. Я скоро вернусь.

За те несколько секунд, пока Лизу вели от дома к машине, она едва не потеряла сознание. Кровь стучала в висках с такой силой, что казалось, разорвет голову. Свежий воздух пьянил, подкашивались ноги, и хотя Лиза ничего не видела, кожей ощущала окружающий ее простор. Она так долго находилась в тесном душном подвале, что сейчас едва справлялась с грандиозностью открытого пространства. Господи, как же хорошо. Как же свободно! Хотелось застыть на месте и дышать, дышать, наполняя легкие запахом сырой земли и молодых листьев... И ни о чем не думать. Только бы ни о чем не думать!

Сильные руки нагнули ее голову и толкнули вперед. Лиза неловко упала на пассажирское сиденье и тут же выпрямилась. Ее собирались куда-то везти. Ничего хорошего это не предвещало. В последнее время любые изменения в ее жизни случались исключительно к худшему.

Тубис сел за руль, повернул ключ зажигания и плавно тронулся, выруливая к лесополосе. Неподалеку пролежала пустынная трасса, шанс встретить случайного свидетеля сводился к нулю, и все-таки похититель рисковал. От легкого волнения покалывало подушечки пальцев. На ухабистой проселочной дороге машина качалась и подпрыгивала.

– Планируешь меня прирезать и закопать? – тихий голос вывел его из задумчивости. Тубис мельком глянул на спутницу и улыбнулся тому, что она умудрилась отклеить скотч.

– Нет. Я планирую доказать тебе свою любовь. – Он отодрал болтавшийся кусок скотча и стянул с ее глаз повязку.

Лиза с тревогой взглядела в темноту за окном.

– Куда мы едем?

– Ты сегодня на удивление любопытна. – Тубис свернул на обочину и остановился. – Мы уже приехали.

Он вышел из машины и помог выбраться Лизе. Снял с нее наручники. Она машинально поправила упавшую на глаза челку и обессиленно оперлась о капот. Даже со свободными руками она не могла тягаться со здоровенным мужиком. Бежать глупо, он догонит ее в два счета. Оставалось только ждать и надеяться на счастливый случай. Лиза осмотрелась по сторонам: как назло, ни одного приличного камня поблизости. А мелкой щебенкой голову не разможжишь.

Несколько минут Сан Саныч любовался замешательством пленницы.

– Ты можешь идти. Я тебя отпускаю. Впереди по дороге, километрах в десяти, есть населенный пункт. Доберешься.

Лиза молчала, не зная, как реагировать. Ее мучитель был странным и циничным, но вполне предсказуемым, ибо всегда действовал исходя из здравого смысла. Большинство людей расценило бы его поступки как неадекватные, однако Лиза прекрасно видела в них своеобразную, но четкую логику. Он ставил необычные цели и добивался их самыми эффективными методами. Внезапное предложение маньяка противоречило всему, что пленница успела о нем понять. Ей стало по-настоящему страшно. По коже пробежал мороз. Лиза спрятала руки в рукава пальто в попытке согреться.

– Ты мне не веришь, – с улыбкой произнес Тубис. Снял очки, протер их клетчатым платком и снова надел, пристально глядя на растерянную женщину.

– С чего бы мне тебе верить? – Лиза проглотила подступивший к горлу комок. Каждый новый день ей казалось, что силы на исходе и она больше не выдержит. Но каждый день ей удавалось внушить себе, что кошмар однажды закончится. Ничто не длится вечно. Когда-нибудь душегуб допустит ошибку, и она вырвется на свободу. Возможно, это самообман, но этот самообман помогал ей не сойти с ума. Сейчас пленница впервые ощутила, что опасно близка к помешательству.

– Ты пытаешься понять мою логику? – Мучитель выдержал паузу. – В любви отсутствует логика. Иди, Лиза. Я на самом деле отпускаю тебя.

Она не двигалась с места, поэтому Тубис открыл дверь, сел в водительское кресло и завел двигатель, вынуждая ее отойти в сторону. Гравий зашуршал под колесами. Машина поехала, медленно набирая скорость, и спустя несколько секунд скрылась из виду. Какое-то время Лиза неотрывно всматривалась в сереющий горизонт, ожидая увидеть свет приближающихся фар. Но никто и не думал возвращаться. Дорога была темна. Лизу стошнило.

Это не может быть правдой. Слишком просто. В жизни так не бывает. Ни один убийца, если он не полный идиот, добровольно не отпустит жертву. А ее похититель был кем угодно, только не идиотом. Лиза понимала, что происходит что-то жуткое, что-то чудовищно неправильное, но вопреки разуму ее надежда отчаянно крепла. Лиза привыкла судить по себе, на месте похитителя она бы никогда не поступила столь опрометчиво. Однако чужая душа потемки. Одному богу известно, что творится у него в мозгу. Сейчас не самый подходящий момент для психоанализа. Нужно бежать, и как можно быстрее.

Лиза огляделась: по обе стороны узкой дороги чернели густые заросли. Спустилась в овраг, рванула к лесу и мгновенно увязла в топком травянистом болотце. Вода набралась в сапоги, передвигаться стало невероятно трудно. Через пять минут безнадежного топтания на месте беглянка повернула обратно, выбралась на дорогу, вылила холодную жижу из обуви и двинулась в противоположную сторону. Здесь почва была посуше, Лиза добралась до леса довольно быстро и побрела сквозь заросли в нескольких десятках метров от дороги, готовая в любую минуту упасть на землю, схоронившись за густым частоколом деревьев.

Было трудно ориентироваться во времени, Лиза даже приблизительно не сказала бы – два часа прошло или двадцать минут с того момента, как ее освободили. Она лишь ощущала изматывающую усталость, заставлявшую ее спотыкаться и замедлять шаг. В мокрой обуви ноги замерзли, шпильки проваливались в мягкую почву и цеплялись за корни, несколько раз она падала, до крови расшибая колени. И все-таки, чем дальше она шла, тем большей уверенностью наполнялось сердце: «спасена-спасена-спасена». Невероятный, невозможный, но реальный факт. Скоро рассветет, и тогда она без опасений вернется на дорогу. А там, глядишь, и до людей рукой подать. Никогда прежде она так страстно не нуждалась в людях.

Лиза мечтала увидеть хотя бы маленький признак обитаемой местности – автобусную остановку, дорожный знак, телефонную будку, фонарь. Но вокруг были только деревья. Гребанные деревья и ничего кроме них! Что за гиблое место!

Лиза уселась на поваленный ствол и перевела дыхание. Скоро она вернется домой, обнимет Настеньку. Будет держать ее в объятиях целую вечность. Солнышко родное, настрадалась без мамочки... Отныне они всегда будут вместе. По щекам текли слезы, но Лиза не замечала их, погрузившись в приятные воспоминания о прежней жизни. Раньше она не ценила своего счастья: у нее были дом, любимый ребенок, друзья... Это казалось само собой разумеющимся. Теперь недавнее благополучие представлялось ей доброй сказкой, в которую едва ли веришь, но продолжаешь мечтать. Даже страдания по поводу Джека, отвергнувшего ее чувства, казались почти желанными. Ведь в той, свободной жизни Лиза сама решала, чем наполнять свое

существование. После тотальной зависимости, из которой она только что вырвалась, даже одинокое блуждание по лесу воспринималось как праздник.

Первым делом она обратится в полицию – напишет заявление, пройдет медицинское освидетельствование, составит фоторобот преступника. Она не успокоится, пока его не поймут. Будет закармливать следователя взятками, чтобы он рыл землю в поисках поганого извращенца. Когда его схватят, Лиза устроит так, чтобы он сдох, не доехав до тюрьмы. Какой-нибудь особенно мучительной смертью. Когда есть деньги, легко позволить себе нестандартную месть.

Лиза прикрыла глаза, вообразив, как буквально через несколько часов ляжет в горячую ванну и будет постепенно возвращаться в мир, где она сама принимает решения. Сходит в салон красоты, купит новую одежду, почитает новости в Интернете. Боже, как давно она была лишена элементарных вещей...

Завтра же позвонит Макс и расскажет о своих злоключениях. Пусть его помучает совесть за то, что не отыскал ее. Она бесследно исчезла, а он, поди, даже не забеспокоился. Ух и влетит ему по первое число.

Лиза улыбнулась и решительно встала, игнорируя ноющую боль во всем теле. Осталось совсем немного...

Тубис ехал за ней в сотне метров, медленно и не зажигая фар. Он хорошо различал ее силуэт, мелькавший среди деревьев. Бинобль ночного видения обошелся ему в половину зарплаты, но потраченных денег он не жалел. Несколько раз он порывался прекратить спектакль, однако заставлял себя потерпеть еще чуть-чуть. Светать начнет не раньше чем через три часа, пусть Лиза окончательно проникнется ощущением свободы. Чтобы план удался, жертва должна поверить в негаданное спасение.

Сан Саныч улыбнулся, представив, какие эмоции она испытает, вновь оказавшись в его руках. Это будет незабываемо. Часы показывали десять минут четвертого. Пожалуй, стоит переходить к эндшпилю. Тубис прибавил газу и поравнялся с возлюбленной.

О, как она бежала. И откуда столько прыти взялось в этом слабом и хрупком теле? Тубис настиг беглянку в считанные минуты. Скрутил ее и поворотом к автомобилю. Лиза вырывалась и кричала, пыталась проломить ему череп крошечными кулачками. Он уложил ее на землю возле машины и отступил на два шага. Лиза подскочила на ноги и в бешенстве набросилась на него:

– Я тебя ненавижу, ублюдок! Ненавижу тебя! Ты сдохнешь, сука, слышишь? Сдохнешь, как последняя собака! Ненавижу, ненавижу! – Она хотела выцарапать мучителю глаза, но тот ловко уворачивался от ее атак.

Господи, он игрался с ней, как сытый кот с полудохлой мышью! Он и не планировал ее отпускать! Лиза кричала, и ее легкие разрывались от ярости. Она сорвала голос, но даже не заметила, что вместо криков из ее горла вылетают сдавленные надрывные хрипы. Никто никогда не издевался над ней со столь изощренной жестокостью. Лизу колотило в истерике, воздуха не хватало – она обхватила шею руками, отдирая воротник водолазки. Пальцы нащупали подаренное украшение. В диком гневе она рванула цепочку, бросила на землю и начала остервенело топтать ее, выплевывая грязные ругательства.

Тубис молча наблюдал за происходящим, ощущая растущее возбуждение. Вот такой он хотел видеть свою девочку – открытой, честной, живой. Она была так прекрасна в своем отчаянии, что хотелось немедленно зацеловать ее от макушки до пяток, стиснуть в объятиях и смеяться от счастья.

Комбинация разыграна блестяще. Шах и мат.

Победитель получает приз. Самый желанный приз в мире.

Тубис схватил Лизу, заломил ей руки за спину и повалил животом на капот.

Глава 4

Рано или поздно он случается с каждым. Тот самый момент, когда всё становится ясно. Он может настигнуть тебя неожиданно и навсегда изменить твою жизнь, а может присниться, когда ты задремал перед телевизором, – и, очнувшись, ты даже не вспомнишь, что мгновение назад видел истину.

Это случилось с Глебом две недели назад в душном вагоне метро, когда он возвращался домой после тяжелого рабочего дня. Внезапное знание не разорвалось бомбой, лишив его слуха и зрения, не перевернуло привычный мир – оно тихо родилось внутри и так же тихо заполнило все его существо. Глеб не испугался, не удивился – принял знание как нечто естественное. В конечном итоге когда-то это должно было произойти.

С той минуты, когда Глеб очнулся в пустом загородном доме, не помня, ни кто он, ни где находится, минуло пять месяцев. Сперва он мучительно пытался узнать прошлое. Чувствовал себя потерянным и полагал, что единственное спасение от всепоглощающего одиночества пряталось в его воспоминаниях. Он едва не сошел с ума, стремясь разглядеть то, что скрывало его подсознание.

К счастью, Глебу хватило мудрости вовремя остановиться. Он внезапно понял, что хочет жить, и жить счастливо. А для этого нужно перестать беспокоиться о том, что невозможно исправить. Он запретил себе оглядываться назад, как бы сильно этого ни хотелось. Было трудно, чертовски трудно. Иногда требовались невероятные усилия, чтобы не размышлять о причинах амнезии; иногда казалось, что задача слишком сложна... Однако в конечном итоге Глеб справился. Неведение больше не угнетало. Он научился жить сегодняшним днем и получать от этого удовольствие. Память вернулась, когда он перестал в ней нуждаться.

Глеб вспомнил все и сразу.

Школа и начало игры. Встреча с Галей. Юркина болезнь и отчаянные поиски подходящего донора почки. Пятый круг. Убийство подружки Макса и Лизиного мужа. Муки совести. Расставание с Галей. Долгий запой. Смерть брата. Похороны. Депрессия и нежелание жить. Попытка вернуть жену. Утрата надежды и злость на весь мир. Предложение себя в качестве подопытного для эксперимента с памятью. Больничная палата и ремни на запястьях. Страх. Внимательные глаза Джека. Пробуждение в незнакомом месте. Новое имя. Красивая соседка. Заснеженный пустырь. Голубой кафель бассейна. Обнаженная женская грудь. Лезвие. Бордовая вода в ванной. Допрос в подвале. Спасение. Знакомство с Максом и Джеком. Сомнения. Недомолвки. Побег. Улыбчивая официантка. Работа на стройке. Радость. Фейерверк. Эскалатор вниз. Вагон метро. И тот самый момент, когда все стало ясно.

Это было странное ощущение. Трагические события прошлого проплывали перед глазами, оживляя боль, из-за которой Глебу расхотелось существовать. Однако теперь эта боль воспринималась не так, как прежде. Иначе. словно Глеб не переживал ее лично, а наблюдал со стороны. Определенно, требовалось время, чтобы осмыслить произошедшее и привыкнуть к новому состоянию.

Несколько дней Глеб продолжал жить так, будто ничего не случилось. Вставал в семь утра, отжимался и качал пресс, принимал душ, завтракал и ехал на стройку, где работал до самого вечера. Покупал продукты, наскоро ужинал, перед сном выходил на получасовую прогулку, но чаще просто валялся на кровати, вновь и вновь погружаясь в недоступные прежде воспоминания.

В один из выходных дней Глеб приехал к дому, в котором они с Галей жили последние несколько лет. Квартиру он продал перед самым экспериментом. Часть денег отдал Даше, Юркиной жене, а другую половину перевел на банковский счет жены. Бывшей жены. Узнав о преступлениях, совершенных мужем и его друзьями, Галя собрала вещи и ушла из дома.

Глеб тщетно пытался добиться прощения. Любимая женщина отказывалась от встреч, навсегда вычеркнув его из своей жизни. Она не желала общаться с убийцей и была права. Любой адекватный человек отреагировал бы подобным образом. Одного только Глеб не понимал: разве можно мгновенно разлюбить?

Последняя встреча с супругой неприятно поразила его. Глеб не надеялся на теплый прием. Он ожидал увидеть обиду и холод в любимых глазах. Но он не увидел ничего. Галя смотрела на него равнодушно. словно между ними никогда не было любви. Она искренне недоумевала, чего от нее хотят. Она не испытывала чувств к постороннему мужчине, сидевшему рядом на скамейке. И это оказалось непонятнее и мучительнее всего...

Во дворе высотной многоэтажки ничего не изменилось. Разве что детскую площадку покрасили. Они с Галей давно мечтали родить ребенка. Да все не получалось. Глеб вздохнул и подошел к подъезду. Код домофона не изменился.

Консьержка открыла было рот, чтобы спросить, в какую квартиру направляется мужчина, но узнала бывшего жильца и растерянно улыбнулась. Глеб поднялся на площадку и вызвал лифт. В квартиру звонить не стал. Зачем беспокоить новых хозяев? Поднялся на один пролет и вышел на балкон, откуда открывался вид на оживленную дорогу и маленькую рощицу. Глебу нравилась эта незамысловатая панорама. Раньше он мог подолгу стоять, облокотившись на перила, и созерцать знакомый пейзаж...

Квартиру в этом доме он купил сразу после свадьбы, заняв у друзей приличную сумму. Не хотелось приводить молодую жену в съемное жилье. Спустя какое-то время пытался отдать долг, но товарищи денег не принимали: ведь Глеб воспользовался правом круга, и приятели помогли ему осуществить желаемое.

Квартирка была небольшая и с неудачной планировкой, но Галя превратила ее в уютное и стильное гнездышко. Глеб с радостью возвращался домой после работы. Жаль, что все это осталось в прошлом.

Он достал сигареты и затянулся, глядя на зеленеющие внизу деревья. Их высадили недавно, нормальным парком эта рощица станет не раньше чем через десять лет. Жители близлежащих домов полюбили это место. Вечерами по узким мощеным дорожкам прогуливалось немало народу. Впрочем, Гале больше нравился огромный парк в соседнем районе, куда она частенько навещалась, чтобы побродить среди высоких раскидистых деревьев.

Глеб улыбнулся, в который раз удивляясь тому, что отныне воспоминания не причиняют боли. Да, грусть никуда не исчезла, и легкая тоска сжимает сердце, но острое чувство потери больше не сводит его с ума. Амнезия перекроила Глеба, сделав из него иную, усовершенствованную версию его же самого. И хотя память вернулась, прежнего человека уже не существует. А значит, и его страданий – тоже.

Глеб достал телефон и набрал номер.

– Да? – раздался в трубке приятный женский голос.

– Здравствуй, Даша.

– Здравствуйте. А кто говорит?

– Говорит Юркин брат. – Глеб усмехнулся. Вот так полгода не появляешься, и твой голос уже не узнают.

– Глеб? Это правда ты? Где ты пропадал? Я тебе столько раз звонила, но твой номер заблокирован! – Даша разволновалась. – Как ты?

– Я жив, Даш. Все нормально. Ты прости, пожалуйста, что я исчез, когда ты нуждалась в моральной поддержке. Я поступил как идиот.

Даша ответила не сразу.

– Тебе тоже пришлось несладко. Брат умер, да еще и жена бросила. Я понимаю, ты, наверное, хотел побыть в одиночестве. Но я все равно беспокоилась. Ты уезжал из города?

Он усмехнулся и стряхнул пепел с сигареты.

– Можно и так сказать. Но теперь я вернулся. Если хочешь, можем пересечься как-нибудь.

– Конечно, хочу! Давай сегодня? Приезжай ко мне.

– Хорошо, Даша. Приеду. До встречи.

Глеб положил трубку и еще долго стоял на балконе, не решаясь покинуть дом, с которым было связано много воспоминаний.

Тем же вечером навестил Дашу. Открыв дверь, она замерла, вперив в него испуганный взгляд.

– Ты чего, Дашка? Привидение увидела?

– Извини. – Девушка посторонилась, пропуская его в прихожую. – Просто я забыла, как вы с Юрой похожи. – Ее голос осекся, она обессиленно оперлась о шкаф, стараясь справиться с волнением.

Несколько секунд Глеб молча смотрел на нее, а потом притянул ее к себе и принялся гладить по голове. Он не знал, что сказать. Ему тоже не хватало брата. Они были абсолютно разными по характерам. Глеб частенько выходил из себя, мог запросто повысить голос и рассвирепеть на пустом месте. Юрку же было невозможно вывести из равновесия и втянуть в конфликт. Он умел ненавязчиво уладить любую ссору, его шутки не обижали, а советы не раздражали, даже если были на то причины, Глеб не мог злиться на брата дольше пары часов. Даже когда тот умолчал об ухудшении своего состояния и загремел в больницу, не сообщив ему об этом.

Глеб помнил, как ворвался в палату, кипя от ярости. Юрка лежал, подключенный к аппарату искусственной почки, и изображал оптимизм. Тогда Глеб не сдержался, высказал братишке все, что думает об его умственных способностях. Разве не глупо строить из себя героя, когда на кону стоит твоя жизнь?

– Какого черта вы мне сразу же не позвонили? – горячился Глеб. – Я надеялся, что ты уже вырос из детского возраста! Как же я зол!

– Не ори ты, и без того голова болит. Я думал, ничего серьезного. Ты и так носишься со мной как с писаной торбой. Мне неловко от этого, понимаешь? Что я, сам не в состоянии о себе позаботиться? – оправдывался больной.

– Не в состоянии! Иначе бы не допустил нынешней ситуации!

Юрка понуро кивал, соглашаясь с его претензиями, и выглядел таким несчастным, что Глебу пришлось поумерить пыл. В конце концов, на нем лежала не меньшая вина. После расставания с женой он сорвался в запой и на полторы недели выпал из внешнего мира. Юркина жена несколько раз звонила ему, заподозрив некомпетентность врачей, но он не подходил к телефону, напиваясь от жалости к себе. Перевези он брата в другую больницу на несколько дней раньше, его удалось бы спасти...

Впрочем, бессмысленно гадать, что было бы. Судьбу не отмотаешь назад, не перепишешь заново. Иногда надо просто смириться и научиться жить в новых обстоятельствах. Глеб никогда не перестанет скучать по младшему брату, но заниматься самоедством больше не будет. Он едва не угробил себя однажды и впредь не повторит этой ошибки. Пока ты дышишь, есть шанс совершить достойные поступки. Мертвые этой возможности лишены.

Глеб осмотрелся. Квартира выглядела по-прежнему, словно хозяин не умирал вовсе. На стенах висели сделанные Юркой фотографии, на включенном компьютере красовалась выбранная им заставка, и даже на кухонном столе, в вазочке, лежали Юркины любимые конфеты. Глеб часто навещался в гости к брату, но никогда раньше не чувствовал себя так неуютно.

Даша понимающе усмехнулась:

– Жутковато, правда? Как будто он все еще здесь. Иногда мне кажется, что Юра сейчас войдет как ни в чем не бывало. Спросит, что на ужин, поцелует меня и вернется за свой ком-

пьютер доделывать работу. Я поэтому и вещи его не прячу. Знаю, что глупо, но ничего не могу с собой поделывать.

– Не глупо, Даш. Ты его любила и продолжаешь любить. Со временем все сгладится, обещаю. – Глеб помолчал. – И кстати, что на ужин?

Даша спохватилась, подскочила к холодильнику.

– Ой, прости. Я что-нибудь приготовлю.

Глеб поймал ее руку.

– Я же пошутил. Не надо ничего готовить. Я там принес кое-что, разбирай пакеты и ставь чайник. Уловила?

Даша послушно кивнула.

Они сидели на кухне, беседуя о ничего не значащих мелочах, в кружках остывал нетронутый чай, по телевизору, включенному в беззвучном режиме, передавали прогноз погоды. Синоптики обещали 15 градусов выше нуля и небольшой дождь.

– Я встречалась с Галей, – неожиданно сказала Даша и, поймав напряженный взгляд Глеба, продолжила: – Я ей позвонила сообщить о переводе тобой денег на ее счет. Она была не очень разговорчива, но все-таки спросила о моем самочувствии и выразила соболезнования по поводу смерти Юры. Наверное, мой голос звучал жалко, Галя предложила увидеться и сходить вместе на кладбище, положить цветы на Юрину могилу.

Глеб молчал, не смея просить подробностей. Даша задумчиво взяла ложечку, подержала ее и вновь положила на стол.

– Извини, я не расспрашивала ее о вашей ссоре. Меня тогда ничто не волновало, кроме собственного горя. Я все время плакала. Мы даже не поговорили толком.

– После этого вы не общались?

Девушка мотнула головой.

– Она не звонила, я тоже. Не люблю навязываться. Скажи, Глеб, у вас это серьезно? Вы решили навсегда расстаться?

– Не мы, Галя решила. – Глеб сжал пальцами переносицу и закрыл глаза. Разговор будил неприятные воспоминания, хотелось стряхнуть их, как дорожную пыль с одежды, залезть под ледяной душ и вышибить прочь любые мысли о несчастной любви.

– Мне правда жаль. – Даша нервно кусала губы, словно желая в чем-то признаться, но была не уверена, стоит ли. – И вы теперь не поддерживаете контакт?

– Сменим тему, ладно? – Глеб натянуто улыбнулся. – Впрочем, уже поздно. Пойдем, проводишь меня до порога.

В прихожей, наблюдая, как он обувается, Даша обмолвилась:

– Знаешь, когда мы виделись с Галей, я заметила...

Глеб оставил ботинок в покое и внимательно посмотрел на нее.

– Да?

Даша замялась.

– Что ты заметила? – спросил он.

– Ничего. Так, глупости всякие. Не обращай внимания. – Она взяла с тумбочки ложку для обуви и протянула гостю. – На вот.

– Спасибо. Ты уверена, что ничего не хочешь сказать?

– Уверена.

– Все в порядке?

– Все хорошо, правда. – Даша повернула замок и открыла дверь. – Не пропадай надолго.

– Не пропаду. – Глеб поцеловал ее в щеку и вышел на лестничную клетку.

После встречи с Дашей Глеб почувствовал, что окончательно вернулся. И хотя в его паспорте по-прежнему значилось чужое имя, он понимал, что Кирилл Смирнов безвозвратно

исчез. И жить его жизнью, игнорируя накопленный годами опыт, будет неразумно. На работе взял расчет, немало огорчив коллег. За эти несколько месяцев к нему уже успели привыкнуть, а сварщик Семен так почти его полюбил, найдя в лице Глеба объект для беззлобных подколов. Сводились они в основном к нежеланию новенького распивать спиртное после трудового дня в компании сослуживцев. Веселый и словоохотливый Семен не уставал балагурить по этому поводу, вызывая бурный смех коллектива. Узнав об увольнении коллеги, Семен впал едва ли не в уныние.

– Андреич, может, передумаешь, а? Как же мы теперь будем без единственного трезвенника?

Чтобы скрасить горечь расставания, в последний вечер после работы Глеб купил несколько бутылок водки и напился вместе со всеми до беспамятного состояния. Весь следующий день провалялся с головной болью, мучаясь от страшного похмелья.

Решил дать себе пару недель отдыха, а потом начать подыскивать работу по специальности. И не мешало бы, кстати, возобновить походы в бассейн. Раньше он плавал как минимум дважды в неделю и сейчас остро ощущал, как стосковался по активным тренировкам. Мышцы требовали привычной нагрузки, и Глеб не собирался лишать их этого удовольствия.

Имелось у него еще одно намерение, которое он планировал осуществить в ближайшие дни, – встретиться с друзьями.

Глава 5

Макс расхаживал по квартире, размышляя над сложившейся ситуацией. Картина вырисовывалась неутешительная, если не сказать безнадежная. По факту исчезновения Гончаровой Елизаветы возбуждено уголовное дело, но уже месяц расследование не двигается с места за отсутствием каких-либо зацепок. В беседе с Максом оперативный сотрудник не сказал ничего внятного, лишь сообщил, что если в течение следующих двух месяцев пропавшая не будет найдена, ее объявят в федеральный розыск и включат во всероссийскую базу данных. Может быть, это принесет результаты.

Макс негодовал, мысленно поливая грязью всех без исключения сотрудников правоохранительных органов. Эти бездельники ни хрена не делают, только протирают штаны в кабинетах! Из участка вышел с твердым намерением нанять частного детектива. Правда, придется пораскинуть мозгами, где взять денег. На его банковском счету почти ничего не осталось. Нужно срочно придумать, как заработать, покуда не родится идея об организации нового дела.

– Ничего, старик, что-нибудь сообразишь, – подбадривал он себя, направляясь к интернату, где находилась Лизкина дочка. Настю Макс видел всего пару раз, да и то совсем крошечной. Подруга держала товарищей подальше от семьи – как и все остальные в компании. Например, Надька знала о давних друзьях мужа, но не была с ними близко знакома – точно так же, как и бывшая жена Глеба. Что до Лизкиного мужа (пусть земля ему будет пухом), так тот даже не подозревал о существовании пресловутой компании. Одному Джеку не приходилось ничего утаивать от семьи. Просто потому, что семьи он пока не завел. Родители не в счет. Они уже давно не принимали участия в судьбе взрослого сына, живя за границей. В Германии, кажется. Или в Австрии.

Так или иначе, стоя в игровой комнате интерната в ожидании Лизкиной девочки, Макс нервничал. Заведующей он представился как дальний родственник, но как отреагирует ребенок на чужого дядю? Да и вообще, какого хрена он, в принципе, сюда приперся? Пока Макс переминался с ноги на ногу, стараясь разобраться в причинах своего поступка, в игровую вошла воспитательница, ведя за руку светловолосую девочку лет пяти-шести.

– А вот и твой дядя Максим. – Женщина ободряюще погладила ребенка по плечу и легонько подтолкнула вперед. – Поздоровайся.

Девочка застыла в нерешительности, исподлобья глядя на незнакомца. У Макса дар речи пропал. Лизкина дочка совсем не походила на маму – сероглазая, румяная, пухленькая. Но взгляд... Взгляд был точно такой же – острый и изучающий, недетский.

Макс присел на корточки и улыбнулся:

– Привет, Настя. Я от твоей мамы. Она велела передать, что очень скучает и скоро обязательно заберет тебя отсюда.

Воспитательница громко вздохнула, понимая очевидную ложь, и деликатно отошла в сторону, давая им возможность пообщаться.

Минуту или две девочка молча изучала мужчину, а потом робко спросила:

– А папа?

Макс кашлянул:

– Что папа?

Девочка сделала шагочек вперед:

– Папа по мне скучает? Что он передал? Он тоже скоро придет?

Макс в замешательстве оглянулся на воспитательницу, но та сидела в кресле и демонстративно листала журнал.

– Не знаю, Настюха. Может, и придет твой папка.

Ребенок приблизился еще на пару шагов:

– Да?

– Да. Только знаешь что? Будь готова к тому, что он будет выглядеть по-другому.

Настя заинтересованно склонила голову:

– Как это?

– Так. Иногда так случается. – Макс плюнул на приличия и принялся беззастенчиво врать. В конце концов, не этим ли занимаются все взрослые? – Смотри, если твой папа наденет маску волка, он же все равно будет твоим папой, да?

– Да.

– А если он наденет маску незнакомого человека? Он ведь все равно будет твоим папой? – «Какой же бред я несу», – с отвращением подумал Макс. У него напрочь отсутствовал опыт общения с детьми; он понятия не имел, как вести себя с малышкой, поэтому плел околесицу.

Девочка изумленно открыла рот и недоверчиво посмотрела на него. Неизвестно, какие мысли бродили в ее маленькой головке, но Настя вдруг рванула вперед и обвила ручонками мощную шею Макса.

Воспитательница оторвалась от журнала и снова вздохнула – на этот раз с умилением.

Максим поднял ребенка на руки и стоял так довольно долго, отчаянно соображая, что же делать. Малышка нуждалась в родном человеке и по какой-то причине решила, что незнакомый дядя отлично справится с ролью отца. Но, во-первых, без документов, подтверждающих их родство, девочку ему никто не отдаст. А во-вторых, он и сам не планировал забирать ребенка из интерната. Куда он ее приведет? К себе домой? И что он объяснит Надьке? Мол, так и так, это отпрыск моей подруги, с которой мы периодически имели секс, но поскольку она исчезла, нужно позаботиться о ее дочке? Надька, конечно, без базара согласится.

Девочка подняла личико, уставившись на Максима:

– Ты меня заберешь домой?

«Вот ведь влип! И зачем только приперся сюда, хренов идиот!»

– Нет, принцесса, пока не могу.

– Почему? – серые глазки метнули молнии.

– Трудно объяснить. Мне нужно завершить много срочных дел, понимаешь? Пока тебе лучше оставаться здесь. Тебя тут никто не обижает?

– Нет.

– Вот и хорошо. Я буду тебя навещать. Договорились?

Настя надула губы и отвернулась.

– Не обижайся, принцесса, я скоро вернусь и принесу тебе подарок. Чего бы ты хотела?

Девочка сложила ручки на груди и буркнула куда-то в сторону:

– Домой! Я хочу домой!

«Вот ведь и правда яблоко от яблони недалеко падает. Лизке тоже как взбредет что-то в голову, так переубедить ее невозможно», – Макс вздохнул и опустил малышку на пол.

Покидая стены интерната, чувствовал себя последним негодяем. Зря только потревожил ребенка. Ох, лучше бы Лизке поскорее отыскаться, иначе встанет перед ним непростая дилемма: или забыть о существовании девчонки, или оформить опеку. Одна перспектива хуже другой. Такой выбор и врагу не пожелаешь.

Собственных детей Макс никогда не хотел, в его жизни была масса других интересов. Надька в этом вопросе занимала нейтральную позицию, равняясь на желание мужа. С супругой ему повезло. Она иногда проявляла строптивость, но в целом поддерживала решения главы семьи. И поскольку тот довольно четко обозначил свою позицию в отношении детей, Надя эту тему не поднимала.

За судьбу Лизкиной дочки Макс почему-то чувствовал ответственность. Не мог он предать подругу, оставив без поддержки ее ребенка. Он старался не допускать мысли о том, что Лизка погибла, но с каждым днем тревога усиливалась. Неизвестный мститель явно заигрался,

удерживая Гончарову на протяжении столь длительного времени. Кто даст гарантию, что он выпустит ее живой? Вот дерьмо!

– Ты чего ругаешься? – Надя зашла в комнату и с беспокойством посмотрела на мужа. – Ходишь из угла в угол и материшься себе под нос. Что тебя терзает?

– До хрена всего терзает, – проворчал Макс, разозлившись на вмешательство жены. – Если ты не в курсе, мы остались без копейки, и я ломаю голову, что предпринять!

Надя приблизилась к мужу, прижалась щекой к его широкой спине и обняла за талию.

– Не изводи себя! С голоду мы не умрем. У нас квартира, машина. Обидно, что твоя фирма разорилась, но это же не конец света. – Надя ласково погладила его живот. – Ты очень умный и откроешь новый бизнес. Но это не к спеху. Вместо того чтобы убиваться, лучше бы воспользовался шансом и отдохнул в кои-то веки.

Макс сдержался, чтобы не повернуться к Наде и не прошептать ей в лицо что-то вроде: «Ты ни хрена не знаешь о моих проблемах! Банкротство фирмы – это самая мелкая из неприятностей. Куда больше меня волнует то, что творится с моими друзьями! Джек чего-то недоговаривает и, скорее всего, скрывает истинное состояние своего здоровья. Надо будет раскрутить его врача на откровенность. Лизка неизвестно где, а ее дочка принимает меня за реинкарнацию своего папаши. Бросить ее на произвол судьбы – значит мучиться виной до конца дней. Глеб мог бы помочь, если бы не убедил Джеки выскрести из его головы все воспоминания!»

– Наверное, ты не все мне рассказываешь, – тихо произнесла Надя, целуя мужа в лопатку. – Не хочешь меня расстраивать или считаешь, что я не пойму. Но я понимаю главное: я люблю и верю в тебя.

Макс застыдился вспышки неуместного гнева. Надька золото, а не баба, а он едва не вызверился на нее, болван.

– Ты права, цыпа. – Он развернулся и поднял жену на руки. – Прорвемся. Давай на следующих выходных смотаемся на дачу, я шашлык пожарю.

Надя лукаво улыбнулась:

– Только шашлык?

Макс подмигнул:

– В первую очередь отжарю тебя. Да так, что еле ноги волочить будешь.

– Ты только грозишься. – Надя призывно откинула воротник халата, демонстрируя грудь в кружевном бюстгальтере.

Макс с удивлением уставился на жену: обычно она так откровенно не напрашивается, предпочитая отдавать инициативу ему.

– Чего пялишься? Если занят, я позову какого-нибудь сантехника. – Надя ехидно хихикнула. – Может, он расторопнее будет.

Столь дерзкая провокация не оставила Макса равнодушным. Тем более за последние полгода Надька заметно поправилась, отчего ее грудь стала еще больше. Ему всегда нравились женщины, у которых есть за что подержаться. Лизка была единственным исключением из этого правила. Почувствовав прилив желания, он рванул в спальню, не выпуская из рук хохочущую жену.

– Я тебе сейчас устрою сантехника, зараза. Прямо как в немецких фильмах!

Спустя час, оставив утомленную Надьку дремать на кровати, Макс вышел из спальни и оделся, намереваясь погулять с собакой. Такса Джесси уже сидела у порога, недовольно суча коротенькими лапками.

– Да не забыл я про тебя, – успокоил собаку хозяин. – Будет и тебе праздник, малая.

Спускаясь по лестнице, Макс остановился на этаж ниже, возле квартиры бабы Зины. Из-за всей этой суеты он совсем забыл про старушку. Баба Зина жила одна, получала скудную пенсию и почти не видела родных, навещавших ее раз в пятилетку. Максим частенько навещался к ней в гости, помогал деньгами.

Он достал из внутреннего кармана куртки бумажник и изучил его содержимое. Две тысячные купюры и всякая мелочь. Порылся в карманах, нашел еще пятьсот рублей. Вот уж точно, от тюрьмы да от сумы не зарекайся. Когда это у Макса при себе было меньше штуки баксов? Он вздохнул и нажал на кнопку звонка. За старой деревянной дверью послышались шаркающие шаги.

– Соколик мой! – старушка всплеснула руками и тут же расплакалась.

– Ты чего, баб Зин? – растерялся Макс. В носу предательски защипало. – А ну отставить слезы! Ты меня прости, я забегался. Исправлюсь. Вот тебе немножко денег, купишь чего-нибудь вкусного. А я завтра заскочу, посидим, поболтаем.

Растроганную старушку пришлось успокаивать не меньше четверти часа. Наконец Макс вышел из подъезда и направился во двор соседнего дома. Там имелось нечто наподобие сквера, где Джесси нравилось гадить.

На улице было тепло, но пасмурно. Хмурые тучи, постепенно заволакивающие небо, предвещали дождь. Макс сделал пару кругов вокруг многоэтажки и решил завершить прогулку. У подъезда топтался какой-то парень. Поравнявшись с ним, Макс остолбенел, не веря своим глазам.

– Я уже начинаю привыкать к такой реакции, – усмехнулся Глеб. – Рад тебя видеть, друг.

– Старик, – голос Макса дрогнул. – Это ты? То есть... Кирилл?

– Да брось, Макс. Какой, к черту, Кирилл. Амнезия кончилась. И я в полном порядке.

– Твою мать! Наконец-то! – Макс кинулся обнимать его. – Хотя одна хорошая новость за последнее время! Мне тебя не хватало, дружище! Охренеть, как не хватало! Как же я счастлив, что ты вернулся! Ты давно оклемался? Почему сразу не позвонил?

– Хотел сделать сюрприз. Сначала поехал к тебе в офис, но там все закрыто. После этого двинул к тебе домой. Только я забыл номер квартиры и лазил тут, как придурок, искал, у кого спросить.

Макс хлопнул Глеба по плечу, все еще сомневаясь в реальности происходящего.

– Сюрприз тебе удался, старик! Ну как же я рад, блин! У меня до хрена новостей, и у тебя, видимо, тоже. Давай так. Я сейчас отведу псину, и мы с тобой забудемся куда-нибудь, нормально поговорим. Дома у меня Надька, сам понимаешь, при ней разговора не получится. Она не в курсе событий.

– Хорошо. Я подожду. Да не спеши ты! – крикнул Глеб вдогонку, наблюдая, с какой скоростью товарищ побежал по лестнице, держа под мышкой довольную таксу.

Глеб помнил, что согласился на эксперимент по внушению искусственной амнезии с одной целью – начать новую жизнь, свободную от мук совести и от необходимости общаться с друзьями. Еще недавно он винил их во всех своих бедах. Ведь если бы не эта чертова игра, придуманная в старших классах школы, жизнь Глеба сложилась бы иначе. Не было бы в ней ни убийств, ни расставаний, ни отчаяния. Он искренне желал больше никогда не встречаться с Максом, Джеком и Лизой. Однако пережитая амнезия заставила Глеба по-другому взглянуть на вещи.

Его никто не принуждал поддерживать инициативу друзей. В компании царил демократия, и если бы он решил выйти из игры, его бы не линчевали. Все поступки он совершал по доброй воле. Единственный, кого стоило винить за нарушенный душевный покой, – это он сам. Искать виновного на стороне гораздо легче, чем признать собственную ответственность. Глеб так долго внушал себе, что причины всех бед крылись в его друзьях, что почти забыл, сколько раз сам обращался к ним за помощью. И ни разу не получал отказа. Один тот факт, что Макс отдал свою почку Юрке, говорит о многом. Какая бы кошка между ними ни пробежала, все четверо действительно были близкими людьми. Вместе прошли через сотни препятствий и, даже будучи в ссоре, никогда не оставляли друг друга в беде. Да, их не назовешь безгрешными,

они наломали дров. Глеб устал мучиться виной. Сейчас ему хотелось просто жить, радуясь каждому мгновению. А за свои грехи он однажды ответит.

Глеб понимал, что компания не будет прежней, да он и не планировал восстанавливать разрушенные отношения. У них была оригинальная команда, но она свое отыграла и больше не выйдет на поле. Их по-прежнему связывает общее прошлое, но общего будущего не предполагается. Глеб осознавал, что в большинстве случаев был сам ответственен за свое поведение, однако ж сей факт не снимал с товарищей вину за совершенные преступления. Они – все четверо – стоили друг друга. Глеб не пытался доказать себе, что лучше остальных. Он просто хотел попробовать жить иначе. Не переступая через собственные принципы. Не причиняя вред окружающим. Не тяготясь укорами совести.

Нет, он не собирался возвращаться в компанию. Но и драматический разрыв разыгрывать тоже не планировал. В конце концов, ему действительно было интересно узнать накопившиеся за полгода новости. Глеб мог бы взять волю в кулак и пойти вперед, не оглядываясь. Но зачем усложнять себе задачу? Пути друзей в любом случае не сольются воедино. А удовлетворенное любопытство иногда здорово упрощает жизнь.

– Старик, ты здесь! – запыхавшийся Макс вынырнул из-за железной двери подъезда. Болотно-зеленые глаза горели лихорадочным блеском, будто он находился под действием наркотиков. – Честно сказать, я боялся, что ты снова свалишь.

Глеб засмеялся:

– За ту минуту, что ты отсутствовал, я бы далеко не ушел. Выдохни. Я вернулся насовсем.

– Тогда пошли. – Макс кивнул, указывая направление.

До ближайшего бара они шли молча, внезапно проникнувшись драматичностью момента. Начал накрапывать дождь, но двое мужчин не ускоряли шаг, погруженные каждый в свои мысли. Макс думал о том, что совместными усилиями решить проблемы будет гораздо проще. А Глеб вспоминал холодный ноябрьский день, когда они с товарищем вот так же брели по ночному городу и обсуждали предстоящий эксперимент. Макс пытался отговорить Глеба, а тот настаивал на своем, умоляя выполнить его последнюю просьбу.

Макс словно прочитал мысли друга.

– Знаешь, я ведь все сделал, как обещал. Привез тебя на другую квартиру, где ты мог пожить спокойно без всевидящего ока доктора Джекила. Но наш психопат предусмотрительный, ты знаешь. Проследил за мной, и едва я свалил из хаты, доставил тебя по другому адресу. В Лизкин коттедж.

– Погоди, не торопись, – попросил Глеб. – Сейчас сядем, закажем выпить, и тогда ты расскажешь историю целиком.

И Макс рассказал, ничего не утаил, в подробностях расписав события минувших месяцев.

Засиделись они до позднего вечера, почти ничего не выпив и не съев, будто позабыв, что находятся в баре. Несколько раз официантка подходила к их столику и спрашивала, устраивают ли гостей заказанные блюда, поскольку к ним никто не притронулся. Мужчины приветливо кивали и вновь погружались в беседу, задавая друг другу бесчисленные вопросы.

Максу позвонила жена, выразила беспокойство по поводу его долгого отсутствия.

– Что, мальчику пора баиньки? – Глеб не упустил шанс подколоть товарища.

– Ее этот мальчик сегодня так ушатал, что ей, по ходу, добавки хочется, – подмигнул тот.

– Ты в своем репертуаре.

– Стараюсь, старик. А что у тебя? С супругой окончательно разошлись? Как твое душевное состояние вообще?

– Да не парься, Макс, я больше не собираюсь делать глупостей.

– Кто тебя знает. – приятель с сомнением покачал головой. – Может, вместе с памятью к тебе прежняя дурь вернулась. Так ты скажи, я за тобой присмотрю.

- Ты уже присмотрел однажды. – Глеб не сдержал улыбки.
- Вот блин, старик, ты мне это до смерти припоминать будешь? Ну, виноват я, не считал, что Джеки легко обведет меня вокруг пальца.
- Кстати, по поводу Джека. Ты говорил, у него какие-то проблемы со здоровьем?
- Проблемы – это мягко сказано, – голос Макса погрузнел. – Он ослеп.
- Как ослеп?!
- Полностью. Ни хрена не видит.
- Глеб недоверчиво усмехнулся:
- У тебя шуточки такие идиотские, что ли?
- Макс налил из графина клюквенный морс и осушил полбокала.
- Джек сидел в баре, и там, по ходу, часть стены обвалилась, я так и не понял. Осколками ему поранило глаза. Две операции уже сделали, но результаты пока нулевые.
- Глеб потрясенно уставился на Макса.
- Врачи дают какие-то прогнозы?
- Я как раз завтра собирался заскочить в больницу, расспросить лечащего врача. Мне кажется, Джек шифрует истинное положение дел. Я с ним недавно разговаривал, и мне его голос здорово не понравился.
- Ни черта у вас тут новости. – Глеб покачал головой, будто до конца не веря в услышанное. – И что вы с Лизой планируете предпринять? Может, надо показать Джека другим врачам?
- Макс откинулся на спинку стула и помолчал, собираясь с духом.
- Тут такое дело, старик. Это ведь не все новости.
- Глеб испытующе посмотрел на приятеля. Похоже, эти трое без него не скучали и отрывались на полную катушку.
- Я тебя слушаю.
- Ты заезжал сегодня ко мне в офис, так?
- Так.
- И что ты там увидел?
- Ничего.
- Вот именно. Нет у меня больше фирмы, обанкротилась. Мне в этом кое-кто помог. – Макс выдержал паузу. – Объявился тут один таинственный мститель.
- С этого места подробнее. – Глеб пододвинул Максу рюмку с водкой, взял свою и залпом выпил.

Они покинули бар в пятом часу ночи, договорившись в десять утра встретиться возле клиники. Приехав домой и улегшись в кровать, Глеб долго смотрел в темный потолок, снова и снова воспроизводя в памяти встречу с товарищем. Макс рассказал ужасные вещи, которые с трудом укладывались в голове. Слепота Джека, похищение Лизы, мистический злодей – все это напоминало сцены из фильма, а не события реальной жизни. Однако у Глеба ни на секунду не возникало подозрения, что Макс преувеличивает размеры катастрофы. Минувший год научил Глеба быть готовым к самым неожиданным поворотам судьбы.

Уже засыпая, он подумал о том, что не испытывает к Лизе ни малейшего сочувствия. Глеб никогда не симпатизировал ей, а в последние годы почти ненавидел. Лизин эгоизм и циничность превосходили все мыслимые размеры; желая чего-то, она не останавливалась ни перед чем. Подруга заслуживала того, чтобы ее проучили. Похищение было не самым варварским наказанием. Возможно, это донесет до ее ума простую истину: на каждую силу найдется сила превосходящая. Натуру, конечно, не переделаешь, но зато она научится ее усмирять. Впрочем, Лиза из тех людей, кто отвергает любое учение, считая, что и без того идеальна. Что ж, Леди Совершенство получила по заслугам. Единственный, о ком Глеб действительно сожалел, это Макс. Друг сильно переживал по поводу сложившейся ситуации. Если кому и стоило помочь – то именно ему.

Глава 6

Это было странное место. Джек заметил его пару лет назад, когда ехал из области по одной из многочисленных трасс. Стояла середина лета, солнце клонилось к закату и разливало по небу фиолетово-розовую акварель. Дорога плавно изгибалась, а потом сделала резкий поворот, открыв водителю вид на заброшенное поле. Ничего примечательного в этом поле не было; не пребывая Джек в философском настроении, не обратил бы на него никакого внимания. Однако в тот вечер не смог проехать мимо. Припарковал автомобиль на обочине и спустился вниз на желтоватый ковер: лето выдалось жарким и засушливым, на открытых пространствах трава выгорела. Этот пикантный недостаток лишь усиливал необычное очарование места. Линии электропередачи рядами пересекали поле. Тяжелые черные провода с угрюмым равнодушием нависали над одиноким путником. И казалось, это и не провода вовсе, а вырванные из плоти гигантские вены. Того и гляди, закапает вниз темная липкая кровь, запачкает желтизну травы.

Джек закрыл глаза, прислушиваясь к напряженному гулу. Там, в высоте, зловеще вибрировал ток, вызывая в теле мелкую, едва уловимую дрожь. Джеку почудилось, что у него над головой пролетают миллиарды омерзительных насекомых. Но даже иррациональный страх не заставил его открыть глаза. Он стоял, зачарованный, не в силах пошевелиться. И так прекрасно было это гипнотическое оцепенение, что хотелось послать весь мир к чертям и остаться здесь, в этом гиблом месте, навсегда.

Когда стемнело, Джек вернулся к машине и продолжил путь. С тех пор раз в три-четыре месяца обязательно приезжал на это поле, чтобы побыть в одиночестве и подумать о вечном.

Сегодня утром Джек ощутил острую, почти болезненную тягу. Он не навещал поле с декабря прошлого года. Последнее посещение получилось скомканным – до эксперимента оставалось два дня, Джеку не удавалось расслабиться и абстрагироваться от мыслей о предстоящем опыте. Он провел на поле двадцать бессмысленных минут и вернулся в город разочарованный и злой.

Ему было необходимо попасть туда. Как можно скорее.

Он порывисто встал, намереваясь спуститься во двор и сесть в машину, но вспомнил, что это невозможно. Абсолютно невыполнимо. Ведь он слепой. Он не видит ничего, кроме проклятой темноты. И зрение никогда не восстановится.

Джек разразился истеричным хохотом. Он смеялся как ненормальный, корчась от спазмов в животе и не замечая выступивших на глазах слез. Он смеялся долго, неуправляемо, как не смеялся никогда прежде. Он надеялся, что этот больной смех убьет его раз и навсегда. Но смех прекратился так же неожиданно, как и начался. Джек почувствовал себя разбитым. Не осталось сил даже на то, чтобы сделать два шага до дивана, – он лег прямо на пол, по-покойнически сложив руки на груди.

Кравцов всегда считал, что обладает железной волей. Был уверен: никакие обстоятельства не сломают его; не найдет испытаний, которые он не выдержит с честью. И что же в итоге? Всего лишь тридцать дней в темноте – и герой едва ли не сходит с ума. Слабак! И как наплевать на собственную слабость! Да, он не Прометей. Он простой человек и хочет жить по-человечески.

Звонок в дверь на мгновение отвлек Джека от мрачных мыслей. Однако он не испытывал ни малейшего любопытства, кто это решил навестить его. В дверь звонили и звонили, но Иван не предпринимал попыток подняться.

В кармане брюк завибрировал мобильный и спустя минуту затих.

В прихожей послышался звук поворачиваемого в замке ключа. А затем чьи-то шаги.

«Макс сделал дубликат», – безразлично отметил про себя Джек.

– Ванька, блин! Ты что творишь? Ты жив? – Макс бросился к лежавшему на полу другу и принялся тормошить его.

– Я жив, просто отдыхаю. Не надо меня трясти, – спокойно ответил Кравцов и сел.

– Ни хрена себе отдых! Еще бы веночек у изголовья положил! – буркнул Макс, с трудом переводя дыхание. – Я с тобой поседею раньше времени.

– Не переживай, я этого не увижу, – усмехнулся Джек.

– А ну кончай гнилой базар! Я смотрю, и правда тебя нельзя ни на сутки одного оставить. Сразу хренью начинаешь маяться. Хорошо, что я сделал дубликат ключа от твоей хаты, перед тем как тебя сюда перевезти. Ты уж извини, что я ворвался. Но ты не поднимал трубку, и я волновался.

– Ты не один? – прервал его тираду Джек.

Глеб, до этого тихо стоявший в дверном проеме, шагнул в комнату.

– Он не один.

– Глеб? – Джек нащупал диван и оперся на него спиной, продолжая сидеть на полу. – С возвращением!

– Спасибо. Правда, возвращение получается невеселым. – Глеб приблизился к другу и, наклонившись, неловко его обнял.

– Да, есть тут некоторые поводы для грусти, – согласился тот. – Как сам? Полагаю, больше не хочешь покидать сей бранный мир?

– Больше не хочу. Спасибо тебе. Промывка мозгов мне реально помогла.

– Обращайся.

– Да нет, пожалуй, с меня достаточно, – усмехнулся Глеб, опускаясь на пол рядом с Джеком. Было странно видеть гордого и независимого Кравцова в таком униженно беспомощном состоянии. Приятель изображал бодрость, причем довольно убедительно, и возможно, Глеб и Макс обманулись бы, если бы не знали, как обстоят дела на самом деле. Утренний визит в больницу поверг их в шок. Столичные врачи вынесли свой приговор и пересматривать его не считали уместным.

Всю дорогу от больницы до дома Джека Макс ругался на чем свет стоит. Глеб же, наоборот, впал в сосредоточенную задумчивость, размышляя над вариантами дальнейших действий. Сначала, как и предлагал Максим, они наймут частного детектива, чтобы попытаться выйти на Лизин след. Определенная сумма у Глеба имелась – те деньги, что он снял со своего банковского счета в первые недели беспамятства. Вопрос оплаты сыщика отпадал. Дальше стояла более сложная проблема – что делать с Джеком? Нужно поискать самые уважаемые глазные клиники за границей и свозить его туда на консультацию. Если повезет, и зарубежные врачи согласятся его оперировать, надо будет прикинуть, где взять на это деньги. Предположим, можно продать машины Макса и Джека, но этого хватит разве что на первоначальный взнос.

Повисла тяжелая тишина. Макс первым прервал ее:

– Старик, не отчаивайся и не теряй надежду. Мы тебя не оставим.

– Звучит угрожающе, – сыронизировал Джек, с удивлением отмечая, что визит друзей оставляет его равнодушным. Еще пару месяцев назад психотерапевт Кравцов пришел бы в восторг, пояись Глеб на пороге его квартиры. А теперь это событие воспринималось им как сухой факт – без чувств и эмоций.

Глеб рассказывал о своих приключениях, о том, что испытал, проснувшись в незнакомом месте без намека на то, кем является; Джек слушал и задавал вопросы, но в глубине души оставался безучастным. Нет, он не сдался. Не опустил руки. Он будет бороться и, может быть, даже победит... Но это будет потом. А сейчас ему хотелось тишины и отчаяния. Погрузиться в унылую тоску и всласть погоревать о своей судьбе. Иногда нужно вдоволь нахлебаться, чтобы

почувствовать желание выплыть. Но похоже, товарищи не собирались оставлять его наедине со своей бедой.

– Кстати, я все у тебя уточнить хотел, – обратился Макс к Глебу, когда тот закончил рассказ. – Про ту соседку, которая едва тебя не прирезала. Ты ее обидел чем-то, что ли?

Глеб на мгновение заколебался – стоит ли говорить правду? Ольга Велецкая была частью их общего прошлого, но надо ли ворошить то, что забыто? Решил, что лучше друзьям не знать некоторых деталей. Спокойнее спать будут.

– Нет, не обидел. Просто нарвался на сумасшедшую.

– Сумасшедшая – не то слово, – хохотнул Макс. – Она ж едва тебя не угробила! Не разбираешься ты в бабах, старик.

– Зато ты у нас знаток, – не остался в долгу Глеб. – Как, ты говоришь, твою проститутку звали? Ту, что ваши ночи любви на видео записывала? Олеся?

– Алиса, – поправил Макс, несколько не обижевшись. – Я, по крайней мере, ее трахнул. Несколько раз. А ты так и остался неудовлетворенным.

– А ты жесток, бьешь по больному. – Глеб улыбнулся, наслаждаясь диалогом. Ему и правда не хватало этих дружеских перепалок. Каким он был идиотом, добровольно обрекая себя на одиночество! Если в жизни и есть какой-то смысл, то явно не в том, чтобы страдать. Очень жаль, что сейчас Джек повторяет его ошибку, замыкаясь в собственном горе.

– Ты сегодня что-нибудь ел? – Макс обратился к притихшему Джеку. Тот скептически покачал головой.

– Ты меня реально пугаешь. Следующий вопрос будет, сходил ли я нынче по-большому?

– Насчет второго я не сомневаюсь.

– И на том спасибо, друг. Приятно, когда в тебя верят. – Джек помолчал. – Что там слышно о Елизавете?

Наигранная веселость Макса сменилась угрюмой серьезностью.

– Пока ничего. Мы с Глебом найдем сыщика, может, он что-то разнюхает.

– Хорошая идея, – бесцветным голосом произнес Джек.

– Ага. Чем черт не шутит, вдруг он выяснит личность злобного старика.

– Злобного старика? – не понял Глеб. – Ты о ком?

– Я же тебе рассказывал про мужика, который нам подлянки строит.

– Ты не говорил, что он старик.

Макс неопределенно махнул руками:

– Ну, как старик. Лет шестьдесят ему, наверное. Не первой свежести юноша.

– А как он выглядел? – Глеб насторожился, еще толком не понимая, что именно его так взволновало.

– Да как выглядел? Нормально. Седой, в деловом костюме. Заметно, что при бабках. Запонки у него на манжетах с брюликами. Привык руководить. Но, по ходу, впечатлительный и ручки замарать боится. Приказал своему зверю меня отделать, а сам в коридорчик вышел, чтобы не видеть.

Глеб сглотнул. Это была всего лишь догадка, всего лишь необоснованное подозрение, но пульс участился, а давление подскочило. Родившаяся мысль была настолько дика и неприятна, что захотелось немедленно переключить внимание на другую тему... Ведь если догадка верна... Вот черт...

– Глеб, у тебя есть какие-то идеи? – спросил Джек.

– Пока нет, – с легкой задержкой ответил тот.

– Просто ты так громко дышишь, словно о чем-то догадался или тебе минет делают. Поскольку господин Гладко у нас гетеросексуал, я предположил первое... – ядовито заметил Иван.

Громкий хохот Макса сотряс комнату.

– Блин, старик, ты как скажешь, – проговорил он, с трудом отдышавшись. – Вы, психопаты, остроумные ребята.

– Психотерапевты, – поправил Джек.

– Один хрен.

– Надо тебе, Максим, самообразовываться. Кстати, можно тебя попросить?

– Конечно, какой базар.

– Возле телевизора книжная полка, видишь? – Джек придал голосу печальную серьезность. – Подойди к ней.

– Ну?

– Там справа, третья или четвертая по счету, книга в синей обложке. Нашел?

– Ага.

– Что там написано? Прочитай название.

– «Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра», – запинаясь, продекламировал Макс.

Джек мотнул головой.

– Нет, не та. Рядом есть другая синяя книга?

– Да. – Макс вытащил томик. – «Основы психотерапии».

– То, что нужно, – улыбнулся Джек. – Это тебе подарок. Читай с удовольствием.

– Вот падла, – беззлобно фыркнул товарищ, ставя книгу обратно на полку. – Могу я еще чем-то тебя порадовать?

– Принеси мне чаю, что ли...

– Это другой разговор, – обрадовался Макс и исчез на кухне.

Глеб рассеянно наблюдал за происходящим, не в состоянии избавиться от растущей тревоги. Муж Ольги идеально подходил под описание Макса. Седина, костюм, запонки, двое телохранителей... К тому же Велецкий, помнится, тоже не горел желанием присутствовать при его допросе, предоставив охранникам полную свободу. Что, если он и есть тот таинственный мститель? Здравый смысл в этом есть. Если Ольга поделилась с супругом историей об изнасиловании, он вполне обоснованно мог вспылать праведным гневом. Обладая базовой информацией, довольно просто отыскать любого человека. Похоже, Макса он нашел первым. Далее на очереди стоял Джек, однако он пострадал и без участия Велецкого. От старого паспорта Глеб избавился, а новый нигде не светил, оставаясь для преследователя невидимкой. А вот Лизе, похоже, не повезло. С каждой минутой Глеб все больше верил в то, что именно Велецкий причастен к исчезновению подруги. Но что делать с этой уверенностью?

Если поделиться с Максом своими подозрениями, тот сразу же ринется в бой, спасать принцессу. Когда дело касается Лизы, у него напрочь сносит голову. Он запросто может прикончить обоих – и Велецкого, и Ольгу. Первого за то, что навредил Лизе, а вторую за то, что поспособствовала этому. И ведь с Джеком даже не посоветуешься – не в том он сейчас состоянии. Почему самое разное дерьмо приплывает к их берегу одновременно?

Глеб с тоской подумал, что уснуть сегодня вряд ли удастся. Слишком много накопилось проблем, требующих срочного решения. Он сделал Максу знак, что пора уходить.

– Ладно, засиделись мы у тебя. – Гладко встал с дивана. – Ты уже, наверное, на это и не надеялся, но мы отчаливаем. Завтра-послезавтра снова нагрянем. Даже не прячься.

Джек устало улыбнулся:

– Хорошо. Прятаться не буду.

– Если что-то понадобится, звони в любое время. – Макс обнял его, похлопав по спине.

Прощавшись, друзья покинули квартиру. Выйдя из подъезда, молча остановились, испытывая похожие чувства.

– Совсем ему хреново. – Макс озвучил мысль Глеба. – Надо вызывать тяжелую артиллерию.

– Ты о чем?

– О ком.

Глеб вопросительно уставился на него.

Макс кивнул, указывая на машину:

– Пошли, по дороге расскажу.

Едва в коридоре затихли шаги, Джек снова улегся на спину, словно и не прерывался на пятичасовую встречу с друзьями. Он был благодарен им за внимание и заботу, но в данную секунду эти внимание и забота не имели никакого смысла. Джек понимал, что сам должен справиться с испытанием. Никто его не спасет, кроме него самого. Нужно заставить себя бороться. Внушить позитивный настрой. Строго следовать указаниям разума. Воспринимать себя как собственного пациента...

Джек прекрасно знал, что следует делать, – и не делал ничего. Впервые холодный рассудок психотерапевта Кравцова безнадежно проигрывал эмоциям.

Он достал мобильный и, не поднимаясь с пола, на голосовом наборе продиктовал номер службы такси.

– Здравствуйте. У меня будет не совсем стандартный заказ.

Глава 7

Вода была прохладная – Глебу такая нравилась. Взявшись за бортик бассейна, он отдыхал после двухкилометрового заплыва. С непривычки мышцы гудели, а дыхание долго не выравнивалось. В лучшие времена он на такой дистанции едва бы разогрелся. Вот что значит забросить тренировки. Он решительно выдохнул и оттолкнулся от кафельной стены, отправляясь на очередной заход. Ему хотелось восстановить нормальную форму.

Глеб любил плавание. Оно успокаивало нервы и помогало привести мысли в порядок. После тренировки, намыливаясь под горячим душем, он прикидывал в уме дальнейшие действия. Подумать было о чем. Вчера они с Максом наконец наняли частного детектива, и тот пообещал докладывать немедленно, как только раздобудет какие-либо сведения о Лизе. Макс почувствовал заметное облегчение, а вот Глеб, наоборот, напрягся. И причин тому было достаточно.

Прежде всего, он не хотел спасения Лизы. Она была редкостной дрянью и впервые в жизни получала то, что заслужила. Глеб и пальцем бы не пошевелил, чтобы вызволить ее из неприятностей. Не слишком благородно, зато честно. Единственная причина, по которой Глеб решил вмешаться, – это долг перед Максом. Друг неоднократно выручал его в критических ситуациях, и, как бы ни велико было искушение забыть обо всем и начать новую жизнь, что-то внутри Глеба противилось предательству. Макс не являлся святым и совершил массу мерзких поступков, но все это перекрывалось жертвой, на которую он пошел ради Юрки. Глеб не ощущал в себе достаточно сил, чтобы бросить нуждавшегося в помощи друга. Пообещал себе, что сперва расчистит авгиевы конюшни, а потом уже пойдет восвояси.

Беспокоило Глеба еще кое-что. Если сыщик выяснит личность мстителя, то дело примет нешуточный оборот. Макс не будет ждать доказательств того, что именно Велецкий похитил Лизу. Он просто нагрянет в загородный дом и разнесет там все к чертям собачьим. Вероятно, его пристрелят прямо там же, если он не успеет первым. Перспектива малопривлекательная. Сперва стоило идентифицировать истинного виновника, а уже потом обрушивать на него гнев.

Глеб не испытывал симпатии к Велецкому, но его желание наказать насильников жены понимал. Он реагировал как нормальный любящий муж, и, честно говоря, Глеб не хотел причинять ему вред. К сожалению, никто не гарантировал, что Сергей остановится на достигнутом. Позволить ему и дальше мстить – значит подвергнуть риску себя и товарищей. Как ни крути, все плохо. Но хуже всего было то, что Глеб интуитивно чувствовал: не мог Велецкий так долго держать Лизу в плену. Хоть ты тресни, не мог. При всей его жесткости человеком он был справедливым и адекватным. По крайней мере, такой вывод напрашивался после беглого анализа его поступков.

Сильнее всех он наказал Максима – однако в живых оставил. Джека он не стал трогать, удовлетворившись его плачевным состоянием. Неизвестно, что бы Велецкий сделал с ним, Глебom, попадись он ему в руки. Скорее всего, поломал бы пару костей и остановился бы. В связи с этим нелогичным выглядело предполагаемое похищение Лизы. Слишком несоизмеримым проступку выходило наказание.

Как растолковать это Максy? Даже если тот поверит, что Велецкий не трогал Лизу, все равно захочет отыгаться за разорение собственной фирмы. В этом пункте они явно расходились. Глеб оправдывал поведение Сергея Велецкого. Макс не стал бы.

Глеб повернул вентиль крана, обмотал полотенцем бедра и вышел из душевой. В раздевалке несколько подростков переодевались на тренировку, весело что-то обсуждая. Он с грустью подумал о том, что никогда не умел веселиться. Отец их бросил в раннем детстве, мать работала за двоих, но денег всегда не хватало. Глеб подрабатывал с четырнадцати лет, помогая ей. Очень не хотелось, чтобы младший брат в чем-то нуждался. Глеб беспокоился

за Юрку с первого дня его рождения, чувствовал повышенную ответственность за судьбу братишки. Когда мама умерла, старшему едва исполнилось двадцать, а младшему – четырнадцать. С того момента Глеб принялся опекать Юрку с еще большим рвением, чем здорово выводил того из себя. Наверное, слишком рано примеренная роль главы семьи и мешала Глебу наслаждаться жизнью, лишив подростка присущих этому возрасту легкомысленности и задора. Но, черт побери, он никогда об этом не жалел. Он любил своего брата. И тосковал по нему. Очень тосковал.

Глеб оделся, заставив себя отвлечься от грустных мыслей. Нужно было срочно разбираться с Велецким. Хорошо, хоть проблема с Джеком будет решена не сегодня завтра. Макс хорошо придумал.

На улице светило солнце; выйдя из здания, Глеб несколько минут постоял на крыльце, жмурясь от ярких лучей. Как бы то ни было, жизнь продолжается, и чем больше препятствий на пути, тем интересней путешествие.

В такую ясную погоду на метро ехать не хотелось. Глеб перешел дорогу и двинулся по улице, намереваясь прогуляться. Отсюда добраться до дома можно за час-полтора бодрым шагом. Зазвонил мобильный. Глеб поднял трубку:

– Да?

– Привет, это Даша.

– Рад тебя слышать.

– Я тоже рада, – не слишком весело ответила она. – Как ты? Чем занимаешься?

– Все в порядке. А ты? Голос угрюмый. Что случилось? – Глеб остановился, подыскивая место, где бы присесть. Похоже, невестку что-то тревожило.

– Ничего не случилось. – Даша вздохнула. – Просто хотела тебя услышать.

– А ну говори, в чем дело. – Глеб облокотился о высокую бетонную клумбу и приготовился слушать. – Я не припомню ни единого случая, когда бы ты мне позвонила просто потому, что хотела услышать.

Даша замялась:

– Я не уверена, стоит ли об этом...

– Надеюсь, ты понимаешь, что после такого вступления я от тебя точно не отстану? Не вынуждай меня приезжать к тебе и устраивать допрос с пристрастием.

– Я тебе не все рассказала о нашей встрече с Галей, – выдавила Даша.

Глеб крепче сжал телефон:

– Продолжай.

– Я правда не знаю, может, мне просто померещилось...

– Даша, не нервируй меня, ясно? Хватит мямлить, говори прямо.

Она откашлялась:

– Мы встретились на кладбище в начале декабря, на Гале была свободная зимняя куртка, но мне показалось... Показалось, что твоя жена беременна. Вероятно, она не хотела, чтобы я это заметила. Но я почти уверена, Глеб. У нее был животик.

Глеб поднес мобильный к другому уху:

– Повтори, пожалуйста.

– Она точно была беременна. Я не разбираюсь в сроках. Месяцев шесть приблизительно. Я хотела, чтобы ты знал. Ведь это может быть твой ребенок. Ведь может? Тогда Галя не имеет права прятать его от тебя. Это нечестно.

– Даш, прости. Я тебе перезвоню, хорошо? – Глеб отключился и до боли сжал переносицу. Он думал, их с Галей история закончилась. Сердце все еще ныло, но время лечит любые раны. Глеб верил, что однажды перестанет мучительно вздрагивать, вспоминая любимую женщину. Он больше не удерживал прошлое, собираясь жить дальше. В одну секунду все перевернулось с ног на голову. Прошлое вернулось, разрушив хлипкий порядок настоящего. Приятная майская

прохлада превратилась в удушливый зной. Глеб почувствовал, что задыхается. Резко рванул воротник рубашки, оторвав две верхние пуговицы.

Галия беременна?

Они расстались в июле прошлого года. Если она забеременела незадолго до этого, то в декабре ее срок составил бы как раз около шести месяцев. Последний раз Глеб видел Галию в августе. Он подкараулил ее на детской площадке, где она сидела и смотрела на детвору. Вероятно, тогда жена уже знала, что ждет ребенка. И поэтому исчезла. Сменила номера телефонов и место жительства. Не хотела, чтобы он узнал.

Это был его ребенок. Его сын.

Глеб не предполагал. Он просто внезапно понял, что у него есть сын. Родное, крошечное продолжение его самого. Сейчас ему, наверное, месяц-два от силы... Они с Галией давно придумали имена: Андрей – для мальчика, Аня – для девочки.

Глеб стоял, потрясенный новостью, все еще до конца не осознавая, насколько изменилась его жизнь. Он понимал: нужно куда-то идти, что-то делать, но не находил в себе сил оторваться от бетонной клумбы, удерживавшей его от падения. Наверное, он выглядел предельно растерянным – некоторые прохожие с замешательством поглядывали на него, не решаясь предложить помощь. Минуту десять минут, прежде чем Глебу удалось справиться с шоком. Он поспешно развернулся и зашагал к метро – хотелось быстрее очутиться дома и подумать над ситуацией.

Переступив порог квартиры, Глеб уже знал, что должен отыскать Галию. Даже если они никогда не будут вместе как муж и жена, он не позволит ей растить сына в одиночестве. У ребенка есть отец, и он будет принимать активное участие в его жизни. Даже если Галия все-таки решила спрятаться от бывшего супруга, она не могла замести все следы. Ее родители, друзья наверняка поддерживают с ней контакт. А значит, Глеб обязательно выяснит, где она скрывается.

С родителями Гали у него отношения были хоть и не близкие, но дружелюбные. Жили в одном городе, виделись регулярно, но не часто. Тесть и теща не стремились влезать в дела молодой семьи, за что Глеб был им благодарен. Однако захотят ли они общаться с ним после развода? Галия вряд ли поведала им истинные причины расставания, но по любой из версий виноватым выходил определенно Глеб.

Он набрал номер тещи. Она ответила не сразу.

– Елена Алексеевна, здравствуйте.

– Здравствуй, с кем имею честь? – не узнав голос, спросила та.

– Это Глеб. Ваш зять. Я хотел... – он так и не договорил фразу, услышав в трубке короткие гудки. Позвонил снова. На этот раз безрезультатно. Похоже, дочь провела с матерью добросовестную разъяснительную работу. Что ж. Глеб знал их домашний адрес.

Он звонил в дверь целую вечность. Дома явно кто-то был: посмотрел в глазок и отошел. Глеб улыбнулся, ощущая себя полным идиотом. Ломится в жилище к добропорядочным людям...

– Елена Алексеевна, пожалуйста, давайте поговорим, – произнес довольно громко, надеясь, что его услышат. – Я не прошу впускать меня, просто откройте дверь, и мы пообщаемся через цепочку.

В квартире послышалось движение, но вскоре затихло. Глеб выждал пять минут и повторил:

– Елена Алексеевна. Я же знаю, что вы дома. Пожалуйста. Мне нужно встретиться с Галией. Я знаю, что она родила ребенка.

Никто не отреагировал. Глеб снова позвонил.

– Я не в курсе, что вам рассказала дочь, но я не причиню ей вреда. Я люблю ее. И нашего ребенка. Мне нужно увидеться с ними. Елена Алексеевна!

– Прекратите орать! – из соседней квартиры донесся раздраженный окрик. – Если вы немедленно не уйдете, я вызову полицию!

Глеб уперся спиной в гладкую поверхность двери и устало прикрыл глаза. За последние трое суток он почти не спал, но только сейчас в полной мере почувствовал, как сильно вымотался. Слишком много эмоций, слишком много проблем. Нескончаемый хоровод мыслей – о Джеке, о Лизе, о Велецком, а теперь еще и о собственном ребенке... Глеб измучился, расчищая беспорядок в своей голове в попытках отыскать верные решения. Он не справлялся с обрушившимся на него объемом информации. В таком режиме долго не протянешь. Ему действительно надо отдохнуть.

Прежде чем направиться к лифту, еще раз попросил:

– Елена Алексеевна, простите за беспокойство. Я ухожу. Подумайте, пожалуйста, о моей просьбе. Я всего лишь хочу увидеть своего ребенка. Я позвоню вам завтра. До свидания.

Дома Глебу едва хватило сил, чтобы снять кроссовки. Он повалился на кровать и отключился мгновенно, едва голова коснулась подушки.

Глава 8

Ладонь горела так, будто в нее воткнули нож и медленно проворачивали лезвие. Странно, как могла небольшая ранка причинять столь нестерпимую муку. Джек погладил больную руку – бинт был влажным и пахнул спиртом. Он пошевелил пальцами и едва не вскрикнул от острой боли. Кровь пульсировала в кисти с такой силой, что казалось, прорвет кожу и брызнет наружу. Джек на ощупь добрался до ванной. Включил холодную воду и умылся здоровой рукой. Боль не уменьшилась, но гул в ушах поутих. Это ж надо было умудриться так облажаться...

Позавчера Джек вызвал такси, чтобы добраться до поля. Водитель попался понимающий и неразговорчивый, все дорогу молчал, изредка уточняя путь. Прибыв на место, помог пассажиру выйти из машины и спуститься по пологой насыпи вниз.

– Скажите, линии электропередачи находятся прямо передо мной? – спросил Джек.

– Да. В пятидесяти метрах. Вас проводить?

– Нет. Я дойду сам, спасибо. Подождите в машине, пожалуйста. Я не задержу вас надолго. Возвращайтесь за мной минут через двадцать.

– Хорошо, – меланхолично кивнул водитель, не удивляясь причуде пассажира. За годы работы таксистом ему встречались и более странные клиенты.

Дождавшись, когда он уйдет, Джек двинулся вперед – туда, где в высоте вибрировали провода. Странное чувство охватило его; он не мог идентифицировать собственные эмоции. Это была болезненная эйфория, и Джек не понимал, чего в ней больше – страдания или удовольствия.

В последний раз он приезжал сюда здоровым и полным сил. Его переполняли амбиции и вера в грандиозное будущее. Он находился в шаге от своей мечты, планировал осуществить уникальный эксперимент и не сомневался в успехе. И вот теперь он снова на этом поле – но как сильно изменился мир... Впрочем, вздор. Мир остался прежним. Изменился только Иван Кравцов. Вселенная щелкнула его по носу, превратив в слабое и никчемное существо. «Ха-ха. Прекрасное чувство юмора, спасибо, я оценил».

Теплый ветер ласково касался кожи и, должно быть, светило солнце. Джек расстегнул куртку и задрал голову вверх, представляя, что всего лишь на мгновение закрыл веки и просто наслаждается жужжанием электричества. Жизнь прекрасна, а цели дерзки и реальны. И нет препятствий.

Нет препятствий.

Он откроет глаза. Вернется к автомобилю. Сядет за руль. Вдавит в пол педаль газа. Рванет прочь, набирая скорость. Выжмет из турбированного двигателя все, на что тот способен. Он будет лететь в миллиметре над дорогой. Быстрый. Свободный. Зрячий.

Джек открыл глаза, но ничего не увидел. Его по-прежнему окружала темнота.

Какая идиотская затея – приехать на это поле! Когда перед тобою простирается целый мир – ясный и доступный, – легко придумывать сказки, выбирая необычные места и наделяя их особой магией. А между тем никакой магии не существует. И это поле – обычный участок земли, изгаженный цивилизацией. Нет в нем ни красоты, ни очарования. Ничего в нем нет!

От злости Джек отчетливо скрипнул зубами. Пора закрывать этот балаган и разгонять клоунов. Волшебства не будет. Билеты отзываются. Идите к дьяволу, дорогие детишки.

Он развернулся, чтобы направиться к дороге, но провалился ногой в неглубокую ямку и потерял равновесие. Упал на ладони и едва не закричал от резкой боли, пронзившей левую руку. Что-то острое распорол кисть и застряло в ней. Джек поднялся на ноги, кипя от гнева. Это сатанинское поле решило его достать!

Нашупал торчавший из ладони осколок, похожий на кусок камня. Вытащил его и зачем-то положил в карман. Руки стали липкими. Боль усиливалась с каждой секундой, вдобавок ко всему Джек потерял ориентир. Он понятия не имел, в какой стороне находится автотрасса!

О, как же искренне и глубоко он ненавидел сейчас этот мир – такой большой и такой равнодушный... Джека трясло от злости, боль поползла к локтю, добралась до плеча и застряла в районе лопатки. Нужно срочно что-то менять. Дальше так не может продолжаться. Он приблизился к опасной грани, переступив которую уже не выберешься самостоятельно.

Кравцов заставил себя сделать несколько глубоких вдохов и тут услышал:

– Простите, что вмешиваюсь. Я заметил, что вы упали и поранились. Вы здесь закончили? – таксист говорил тихо и почти равнодушно. Его безучастный голос подействовал на Джека успокаивающе.

– Да, я закончил. Вас не затруднит довезти меня до травмопункта?

– Вы платите. Мне совершенно неважно, куда вас везти.

Минувшие два дня рука болела не переставая, однако таблетки Джек не пил принципиально. Боль держала его в тонусе, стимулировала мыслительный процесс. Впрочем, мысли рождались одна печальнее другой. Джек понимал, что нужно не заикливаться на проблеме, а сосредоточиться на поиске решений. Однако проблема казалась такой грандиозной, и с каждой минутой она лишь ширилась и набирала массу, высасывала все душевные силы.

Психотерапевт Кравцов никогда не страдал от одиночества. Не скучал в компании самого себя. Мог подолгу предаваться размышлениям, укрывшись в уединенном месте и не ощущая дискомфорта от нехватки общения. Даже находясь в толпе, умел абстрагироваться от окружающей суеты и просто наблюдать, наслаждаясь собственной автономностью. Впервые одиночество не приносило удовольствия. Джек чувствовал себя покинутым и забытым, и это гнетущее ощущение усиливалось в геометрической прогрессии.

Да, у него есть родные и близкие, а друзья постоянно напоминали о себе, но что они знают об его истинных эмоциях? Они могут только предполагать, как ему нелегко, но они видят! Видят! А значит, находятся по ту сторону. Нелепо требовать от них понимания. Сытый голодного не разумеет.

С того момента, когда Джек попал больницу с ранением глаз, он неоднократно воспроизводил в памяти события злополучного дня, удивляясь парадоксальности жизни. Он приехал в любимый бар пропустить стаканчик бренди и сел у стойки, поскольку его столик был занят. Вскоре место освободилось (не без усилий с его стороны), и Джек перебрался в мягкое кресло у стены с огромной фреской, на которую он постоянно заглядывался. Кравцову нравилась эта мрачная атмосферная картина, много раз он предпринимал попытки выяснить имя автора, но тщетно. Загадочная фреска не раскрывала свою тайну. Она баловала преданного почитателя угрюмой красотой, а потом уничтожила его. Проклятая фреска, чью копию Джек мечтал приобрести, разрушила всю его жизнь! Какой удивительный фарс!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.